

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА "ТЕОРИЯ МОДЫ"

ТМ

СЬЮЗАН ДЖ. ВИНСЕНТ

ВОЛОСЫ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРИЯ

SUSAN J. VINCENT

HAIR

An Illustrated History

Сюзан Винсент

Волосы.

Иллюстрированная история

«НЛО»

2018

Винсент С. Д.

Волосы. Иллюстрированная история / С. Д. Винсент — «НЛО»,
2018

ISBN 978-5-44-481364-5

Волосы — пожалуй, наиболее яркий пример двойственного положения тела в культуре: это биологическая материя, обладающая определенными физическими свойствами, но в то же время социальный атрибут, важнейшая часть идентичности человека. Сюзан Винсент исследует сложные переплетения смыслов, связанных с этой частью человеческого тела, прослеживает универсальные основания и специфические техники ухода за волосами в западной культуре XVII–XX веков, становление и трансформацию профессий, имеющих отношение к этому предмету, политические аспекты причесок и всепобеждающую власть социальных норм в отношении к внешности. Сюзан Дж. Винсент — историк культуры, научный сотрудник Центра Ренессанса и раннего модерна Университета Йорка.

ISBN 978-5-44-481364-5

© Винсент С. Д., 2018

© НЛО, 2018

Содержание

Благодарности	6
Введение: значение волос	7
ГЛАВА 1	39
ГЛАВА 2	72
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Сьюзан Дж. Винсент

Волосы: иллюстрированная история

Посвящается Джилл, замечательной подруге с прекрасными волосами

Благодарности

Эта книга созревала очень долго. Часть материала по парикмахерскому искусству и бритью в эпоху раннего Нового времени, вошедшего в главы 2 и 3, появилась в другом контексте в статье «Мужские волосы: как ухаживали за внешностью в долгом XVIII веке», в книге под редакцией Ханна Григ, Джейн Хэмлетт и Леони Ханнан «Гендер и материальная культура в Великобритании с 1600 года» (Hannah Grieg, Jane Hamlett and Leonie Hannan (eds). *Gender and Material Culture in Britain Since 1600*. London: Palgrave, 2016. Pp. 49–67). Аналогичным образом сокращенную версию изложенной в главе 1 истории ухода за волосами в эпоху раннего Нового времени и обсуждение бород того же периода из главы 4 можно найти в статье «Бороды и кудри: волосы при дворе Карла I» в сборнике под редакцией Эбигейл Ньюман и Линеке Нейкамп «(Раз)облачение Рубенса: мода и живопись в Антверпене XVII века» (Abigail Newman and Lieneke Nijkamp (eds). *(Un)dressing Rubens: Fashion and Painting in Seventeenth-Century Antwerp*. New York: Harvey Miller, [Готовится к печати]). Я благодарю издательства Palgrave Macmillan и Harvey Miller соответственно за разрешение воспроизвести этот материал.

Редколлегия издательства Bloomsbury Academic всегда неизменно поддерживала меня и была удивительно терпелива в течение этого длительного процесса, поскольку другие проекты, а также всевозможные кризисы и требования повседневной жизни препятствовали работе над рукописью. Я выражаю особую благодарность Анне за помощь на ранних этапах, а затем Фрэнсис и Пэри, которые, казалось, никогда не теряли веру в меня, подстегивали и постепенно приближали книгу к завершению.

Я глубоко признательна членам моей семьи за их терпение на протяжении всего этого проекта и за то, что они поставляли мне замечательные факты на тему волос. Моя мама Барбара обладает особым талантом находить примеры, дающие пищу для размышлений, и отправлять их мне. В ответ на мои электронные письма о помощи брат моего мужа экономист Энди стал мне настоящим соратником, добывая и объясняя статистику, чтобы пролить свет на самые сложные вопросы. Особую благодарность, как всегда, я выражаю моему мужу Алану. Его поддержка была постоянной, его редакторская работа – чрезвычайно зоркой, его интерес очевидно неподдельным, а наши дискуссии были для меня необычайно полезны. Я также использовала его как живой словарь, и он терпеливо переносил мои безапелляционные требования переводить малопонятные иноязычные источники. Люблю и благодарю.

Также кажется уместным поблагодарить здесь Стивена, моего гениального парикмахера, за познавательные беседы и отличные стрижки. Это ли не предел мечтаний посетителя парикмахерской в любую эпоху?

Введение: значение волос

Волосы значат для нас очень много. Как писали Сара Чанг и Джеральдин Биддл-Перри, «в природном состоянии все человеческие тела волосаты»¹. Эта биологическая данность – волосатость – оказывала влияние на все когда-либо существовавшие культуры мира. В любой религии есть принципы и учения, связанные с волосами. На протяжении всей истории человечества ритуалы, обряды перехода и инициации сопровождалась изменением прически. Волосы были и остаются частью концептуализации физических процессов и эмоциональных состояний. Они сопровождают нас в приближении к божественному. С точки зрения антропологии волосы – это одна из тех базовых вещей, при помощи которых каждый из нас становится человеком (ил. 0.1).

Ил. 0.1. Волосы – часть человеческого бытия

За этими глобальными и вневременными процессами стоят конкретные судьбы мужчин и женщин, чьи коллективные действия и убеждения мы и называем историей. Хотя среди нас, возможно, есть те, кому безразличны внешний вид и состояние их шевелюры, они наверняка окажутся в меньшинстве. Пожалуй, большинство из нас остро чувствуют связь между волосами и своим самоощущением. Например, миллионы людей при появлении седины окрашивают волосы в тон, который, по их мнению, является более «настоящим», соответствующим их «подлинному Я»: фактический цвет их волос – цвет возраста – в некотором роде вступает в противоречие с их представлением о себе². Точно так же неожиданная утрата волос

¹ Biddle-Perry G., Cheang S. (eds) *Hair: Styling, Culture and Fashion*. Oxford: Berg, 2008. P. 246.

² Weitz R. *Rapunzel's Daughters: What Women's Hair Tell Us About Women's Lives*. New York: Farrar, Strauss and Giroux, 2004. Pp. 200–201.

может вызвать острый кризис идентичности: человек видит себя в зеркале и изо всех сил пытается соотнести отражение с совершенно иным, привычным, образом самого себя. Химиотерапия – очень показательный пример. Многие пациенты, проходящие лечение, сообщают, что им легче смириться со своей болезнью, чем с потерей волос. Даже всем понятная фраза «bad hair day» (буквально: «день плохой прически» – неудачный день, когда все не так. – *Прим. пер.*) говорит о том, что все мы знаем, каково это, когда волосы упорно не хотят укладываться так, как они, по нашему мнению, «должны».

Те, у кого достаточно средств и кто часто бывает на публике, могут тратить баснословные суммы, чтобы действительный вид их волос соответствовал желаемому. Мэрилин Монро каждую субботу летала из Сан-Диего в Лос-Анджелес к своему колористу и целый день проводила в его кресле, чтобы обновить свой платиновый блонд³. Но не только зарабатывающие на жизнь своей внешностью знаменитости тратят на уход за волосами время и большие деньги. В 2016 году в репортаже, среди широкой публики получившем прозвание «прическа-гейт», было показано, что бывший на тот момент президентом Франции Франсуа Олланд платил своему парикмахеру почти 10 000 евро в месяц. Это очень большая сумма, особенно учитывая строгую простоту прически на весьма поредевшей шевелюре президента (ил. 0.2). Официальный представитель правительства, однако, объяснил обоснованность ежемесячного счета, в который также входили услуги стилиста в поездках за границу: «Все мы ходим в парикмахерские. Этому парикмахеру пришлось закрыть свой салон, и он 24 часа в сутки готов приехать на вызов»⁴. Без сомнения, мало кто полагает, что эти расходы оправданы, и еще меньше тех, кто может себе их позволить. Однако в некотором смысле представитель правительства был прав: все стригутся и, как и Олланд, каждый хочет, чтобы реальный вид волос соответствовал его представлению о том, как они должны выглядеть.

Возможно, в силу этой взаимосвязи между нашими волосами и самоощущением мы склонны и на других людей смотреть с этой точки зрения, измышляя связь между их волосами и чертами характера. В художественной литературе это, конечно, избитый троп, достигший своего высшего проявления в романах XIX века, где через внешний вид волос более всего раскрываются женские персонажи⁵. Темно-русые локоны Джейн Эйр опрятны и скромны, их потенциальное своенравие скрыто гладкой и упорядоченной прической; волосы Бланш Ингрэм эффектны – вороново-черные блестящие завитки ей очень идут; а безумная звероподобная Берта Рочестер беснуется на своем чердаке под «массой черных седеющих волос, подобных спутанной гриве»⁶. Волосы этих женщин метонимичны: прическа представляет человека целиком. В современных фильмах и визуальных медиа эта техника точно так же в полной мере используется для передачи характера персонажа и развертывания сюжета⁷. А то, что справедливо в отношении художественного вымысла, распространяется и на реальную жизнь, поскольку наряду с другими визуальными подсказками мы используем информацию, предоставляемую волосами, чтобы формировать суждения о своих знакомых и случайных встречаемых, независимо от того, оказываются ли подобные заключения верными.

³ Pitman J. On Blondes. From Aphrodite to Madonna: Why Blondes Have More Fun. London: Bloomsbury, 2003. P. 227.

⁴ CoiffureGate: The High Cost of Hollande's Haircut // BBC News. www.bbc.co.uk/news/blogs-trending-36784083 (по состоянию на 24 июля 2016).

⁵ Mahawatte R. Hair and Fashioned Femininity in Two Nineteenth-Century Novels // Biddle-Perry and Cheang (eds). Hair. Pp. 193–203; Ofek G. Representations of Hair in Victorian Literature and Culture. Farnham: Ashgate, 2009.

⁶ Bronte C. Jane Eyre (1847). London: Penguin, 2012. P. 353. (Перевод приводится по изданию: Бронте Ш. Джен Эйр [Пер. с англ. В. Станевич]. М.: Правда, 1988.)

⁷ См., например: Velody R. Hair-Dressing in Desperate Housewives: Narration, Characterization and the Pleasures of Reading Hair // Biddle-Perry and Cheang (eds). Hair. Pp. 215–227.

Ил. 0.2. Встреча Франсуа Олланда с парикмахерами-стажерами в 2015 году. Олланд щеголяет стрижкой за 10 000 евро в месяц

Цвет и характер

Связь между внешностью человека и его характером особенно нагружена смыслами в плане цвета. Привязки определенных черт характера к цвету волос необыкновенно устойчивы и долговечны. На самом деле, как нам предстоит убедиться, можно говорить о том, что со временем такие стереотипы обретают еще бóльшую силу. Хотя наши познания в области физиологии и генетики становятся все более точными, а техники окрашивания волос – все более изощренными, кажется, что в некоторой степени наша рациональная хватка ослабевает, и на передний план выходят предрассудки.

В прошлые века у такого рода стереотипов были веские основания, ведь они полностью соответствовали медицинской теории своего времени и толкованию закономерностей физического мира. Согласно гуморальной теории раннего Нового времени, унаследованной от научной мысли эпохи Античности, вся материя – и тело человека в том числе – состояла из четырех жидкостей, или гуморов. Смесь крови, флегмы, желтой и черной желчи обуславливала внутреннее состояние человека, или темперамент, и эти темпераменты в свою очередь влияли как на внешность, так и на характер⁸. Таким образом, внешний вид пациента и его поведение служили врачу инструментом диагностики, помогавшим заглянуть глубже, определить внутреннее гуморальное состояние человека и дать ему соответствующие лекарства. Кроме того, смежная наука о физиогномике, также берущая начало в древнегреческой и римской философии

⁸ Sullivan E., Wear A. Materiality, Nature and the Body // Richardson C., Hamling T., Gaimster D.R.M. (eds) The Routledge Handbook of Material Culture in Early Modern Europe. London: Routledge, 2017. Pp. 141–57, esp. p. 144.

фии, еще больше укрепила неразрывную связь между телом и разумом, установив соответствие между конкретными особенностями внешности и отдельными психологическими чертами⁹. Получив ключ к интерпретации, который включал цвет и текстуру волос, любой наблюдатель мог, таким образом, «прочитать» наружность человека, чтобы раскрыть его нравственную суть (ил. 0.3)¹⁰. Исходя из этой всеобъемлющей системы убеждений, было логично заключить, что характер и цвет волос согласуются друг с другом, а стереотип является поучительной истиной.

Подобные представления встречаются в бесчисленных текстах XVI–XVII веков, самых разных жанров: от научных трактатов и лечебников до дешевых баллад, которые вешали на стенах в пивных ради потехи. Например, переведенный с французского языка «Календарь пастуха» был влиятельным и широко востребованным компендиумом знаний на все случаи жизни. Он многократно перепечатывался на протяжении XVI–XVII веков¹¹. В издании 1570 года читателю сообщалось:

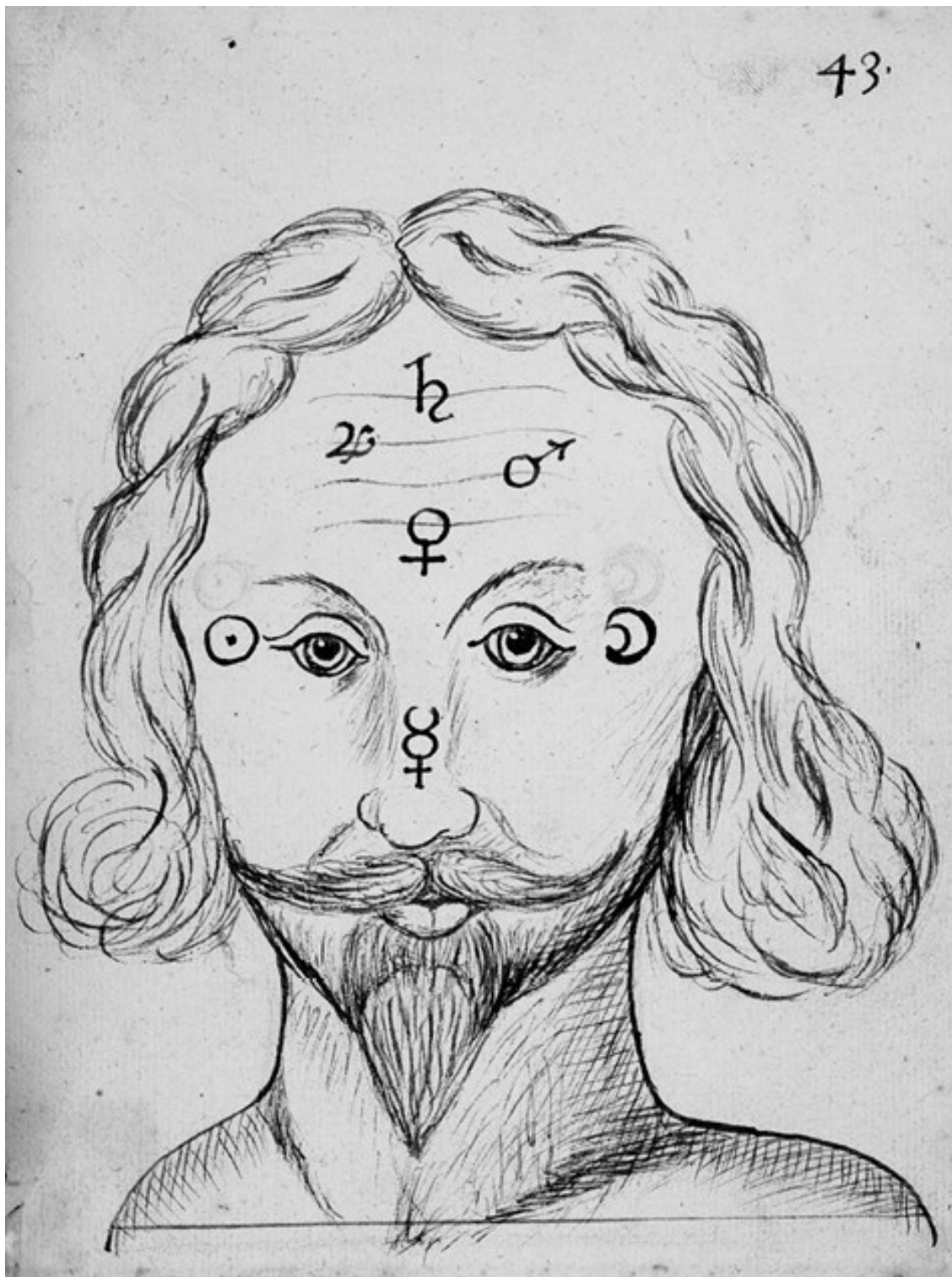
Те же, кто имеет рыжий цвет волос, обыкновенно гневливы, малы умом и лживы. Черные волосы, приятные черты и хороший цвет лица означают любовь к правосудию, жесткие волосы означают, что сия особа любит мир и согласие и сильна умом и сметлива. У мужчины черные волосы и рыжая борода означают похотливость, вероломство и чванство, и не следует ему доверяться. Желтые волосы и кудри выдают человека веселого нрава, похотливого и лукавого. Черные волосы и кудри значат меланхолию, похоть, дурные помыслы¹².

⁹ Ibid. Pp. 149–150.

¹⁰ Также об этом см.: Dawson M.S. First Impressions: Newspaper Advertisements and Early Modern English Body Imaging // *Journal of British Studies*. 2011. Vol. 50. Pp. 277–306, esp. pp. 295–296.

¹¹ См.: Taavitsainen I. Characters and English Almanac Literature: Genre Development and Intertextuality // Sell R.D., Verdonk P. (eds) *Literature and the New Interdisciplinarity: Poetics, Linguistics, History*. Amsterdam; Atlanta: Rodopi, 1994. Pp. 168–169.

¹² Copland R. *The shepardes kalender*. London, 1570. sig. [Lvi verso].

Ил. 0.3. Английский учебник по хиромантии. 1648. Он включал информацию по физиогномике и гуморальной теории, а также наставления о том, как «читать» лица, цвет волос и размер и цвет бороды

Более шуточный подход к этой теме находим в балладе 1670-х годов «Английская гадалка», предлагавшей совет о том, как выбрать себе жену:

My skill in Physiognomy,
wherein I will shew you a light:

By'th colour of hair on the head,
or else by the favor or face,
You may know with whom for to wed;
and who you were best to imbrace¹³.

Мое искусство – физиогномика,
и я вас в нем просвещу:
По цвету волос на голове,
по любезности или по лицу
Можете узнать, на ком лучше жениться
и с кем стоит обниматься.

**PROF. THOMAS MOORES,
PRACTICAL PHRENOLOGIST,
OF LEEDS,**

Begs to inform the Lady and Gentleman of this residence that he is spending a short time in this town and neighbourhood before going to his summer quarters (Douglas, Isle of Man). Having completed his lecture tour for the season, he now proposes to spend a short time in visiting families, &c., to give Phrenological Examinations, Advice on the choice of Trades, Professions, Education, &c. Mr. Moores, in his Descriptions, points out what your physical and mental qualities are, and how you may best apply them to ensure success. He shows the excesses and deficiencies which characterise you, and how you may overcome them; putting within your possession a sure guide to self-knowledge and self-improvement. If you

are a parent or guardian to children whom you are anxious to train aright, and put to the calling which will best agree with their health, and in which they have capacities to succeed, then try Phrenology, it has done it for thousands, and it can do it for them. Are you about to adopt some child in your family, and want to know what kind of a disposition it possesses? and whether it is likely to fulfil the desires which lead you to take it? Mr. Moores can tell you, and guard you against making a wrong choice. Have you servants whose characters are a puzzle to you? or, are you just going to engage one, and want an impartial character of them? Mr. M. will describe their characters with unerring accuracy.

MR. MOORES' experience as a Practical Phrenologist is a very wide one. His practice in Public and Private have been well tested, and his abilities well acknowledged both by the Press and the Public. The following may be given from hundreds who have borne equal testimony:—

“The Phrenological Examination I have undergone by Mr. T. MOORES is very correct, it gives me every confidence in his abilities as an examiner.”

—H. BONE, Wesleyan Minister.

“Mr. MOORES closes his Lectures with Public Examinations of persons chosen from the audience. They are very good, and give great satisfaction.”—*Vacup Times*.

THE FOLLOWING IS FROM A WELL-KNOWN SOLICITOR.

“Mr. MOORES has examined three of my family, and the startling descriptions convince me of his thorough knowledge of Phrenology.”

Ил. 0.4. Рекламная листовка профессора Томаса Мура, френолога из Лидса. Ок. 1870. Профессор Мур уверяет, что его анализ формы головы открывает внутренний характер чело-

¹³ The English Fortune-Teller. London, 1670–9.

века, а диаграмма иллюстрирует различные способности, которые можно открыть, исследовав выпуклости черепа. Среди прочих названы воинственность, супружеская любовь, склонность к поиску пищи (алиментативность) и надежда

Далее в песне остроумно рассказывается, что золотоволосые наставят мужу рога, рыжие опасны, а брюнетки умные, но притворщицы. Это был не просто набор женоненавистнических стереотипов, а универсальный комический принцип, так как существовали баллады похожего содержания, где повествование велось от лица противоположного пола. Так, например, относящаяся примерно к тому же времени баллада «Темная борода для нее» (To Her Brown Beard) наставляла женщин, как выбрать мужей: с песочными волосами ревнивы, рыжеволосые склонны слишком много тратить на выпивку, а мужчины с темными волосами верные, добрые и любящие¹⁴.

В той или иной форме такая система представлений просуществовала вплоть до XVIII века и даже дольше: некоторые книги по медицине по-прежнему содержали сведения о гуморальной теории и ее отношении к цвету волос¹⁵. Особенно долго «истины» внешности оставались неизменными в сфере народного знания, этой повседневной области, где наставление встречается с развлечением. В 1796 году женский альманах сообщал своим читательницам о значении волос, указывая, что их цвет и текстура являются признаками, прямо указывающими на нравственные качества. Рекомендации, которые он предлагал для расшифровки характера, таким образом, содержали правила, согласно которым черные гладкие волосы как у мужчин, так и у женщин означают мягкость, постоянство и душевную теплоту, в то время как черные вьющиеся волосы указывают на пьянство, сварливый характер и влюбчивую натуру. У мужчин длинные рыжие волосы «означают хитрость, ловкость и лукавство», а в женщинах – острый язык, тщеславие и «нетерпеливый и вспыльчивый характер»¹⁶. Хотя этот материал, возможно, был включен в сборник почти на тех же основаниях, как гороскопы в современных периодических изданиях – стандартная рубрика, которую читают, но не обязательно берут на вооружение, – сам факт его включения указывает на отчасти сохранившуюся привязанность к стереотипам о внешности.

Благодаря работам первого генетика Грегора Менделя, в XIX веке наследственность получала все большее признание как механизм, с помощью которого формируются и передаются физические характеристики, а теория естественного отбора Дарвина связывала эту наследственность с долгосрочным успехом или неудачей в противостоянии угрозам окружающей среды. Однако наука того времени также исследовала другие направления, которые, вместо того чтобы разорвать старые связи между внешностью и сущностью, усиливали их. Одним из таких направлений была френология. Полагая, что как размер, так и форма различных участков мозга определяет наши умственные возможности и моральные качества, а череп повторяет форму заключенного в нем органа, френологи утверждали, что точное толкование шишек и выступов головы позволяло читать личность, словно открытую книгу (ил. 0.4). В тандеме с этой новой наукой физиогномика также получила новый импульс в XIX веке¹⁷. Хотя эти идеи практиковались на высоком уровне специалистами, они функционировали на низовом уровне как часть герменевтики «здорового смысла», с помощью которой обычные люди интерпретировали и классифицировали свой социальный мир. Вместе френология и физиогномика повлияли на представления о расе, преступности, девиации и превосходстве. Их применение

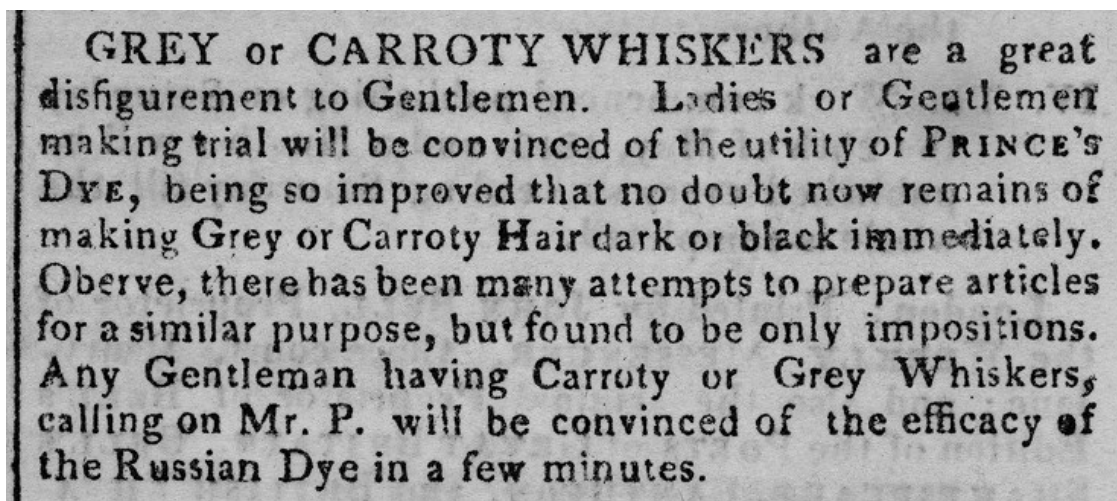
¹⁴ To her Brown Beard. [London], 1670–96.

¹⁵ См., например: de Bois-Regard N.A. Orthopaedia: Or the Art of Correcting and Preventing Deformities in Children. 2 vols. London, 1743. Vol. II. Pp. 11–17.

¹⁶ Crosby's royal fortune-telling almanack; or, Ladies universal pocket-book, for the year 1796. London [1795]. P. 130.

¹⁷ Pearl S. About Faces: Physiognomy in Nineteenth-Century Britain. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2010.

к волосам очевидно: внешний вид волос человека был показателем его или ее характера – эта идея систематически находила отражение в литературе Викторианской эпохи.

Ил. 0.5. Объявление XVIII века, рекламирующее «Краску принцев», подходящую как для мужчин, так и для женщин. В нем говорится, что она особенно эффективна против таких уродств, как седые и рыжие волосы

Несмотря на свою долговечность, наука о внешности оставалась неточной. Тона и оттенки волос были многочисленны, и можно было бы до бесконечности анализировать приписываемые им широкие значения. Кроме того, на каждого человека, который соответствовал правилу, было столько же тех, кто служил исключением. Однако на удивление последовательным было отношение к рыжим волосам. Хотя оттенки могут входить и выходить из моды – на поверхности текущего культурного дискурса, – в каждой эпохе прослеживается непрерывная нить рассуждений, в которой формулируется позиция в отношении именно этого цвета. Как ясно свидетельствуют некоторые приведенные выше цитаты, из века в век в текстах самых разных жанров комментариев по поводу рыжих волос почти всегда носит осуждающий характер. Например, в руководстве по акушерству 1612 года в разделе, касающемся выбора кормилицы, выносится следующее предупреждение: «прежде всего, она не должна быть рыжеволосой». Для пушей убедительности на полях даже помещено примечание аналогичного содержания: «Рыжеволосая кормилица нежелательна»¹⁸. В 1680 году лондонский врач, перечисляя в рекламе своих услуг названия недугов, которые он способен излечить, помимо списка жалоб (от лихорадки до паразитов, от спазмов до геморроя) указал, что он может изменить цвет рыжих волос. Таким образом, он подразумевал, что в лучшем случае это был физический недостаток, а в худшем – болезнь¹⁹. Возможно, он прописывал пациенту краску для волос – как мы увидим в следующей главе, в то время на рынке было немало рецептов и средств, – а может быть, рекомендовал использовать свинцовую расческу, чтобы придать рыжим волосам более темный оттенок. Возможно, рыжие клиенты обращались к нему, чтобы избежать насмешек, ведь даже обидные прозвища, связанные с этим цветом, имеют долгую историю. Еще в 1662 году в качестве общеизвестного факта упоминается «глумливое правило, имеющее хождение в Англии среди черни, называть рыжеволосую особу Морковкой». То, что автор, составитель итальянско-английской грамматики и словаря, использует это знание для объяснения другого выражения, указывает на то, что оно действительно было знакомым и уже

¹⁸ Guillemeau J. Child-birth or, The happy deliuerie of women. London, 1612. sig. L1r, p. 3.

¹⁹ [Anon.] In Holborn over against Fetter-lane, at the sign of the last, liveth a physitian. London, 1680.

закрепилось в языке к началу эпохи Реставрации²⁰. Учитывая, что оранжевая морковь была ввезена в Англию немногим ранее в то же столетие (этот вид вывели голландские селекционеры), должно быть, и новый сорт моркови, и новое прозвище прижились очень быстро. Задорная народная «Баллада о влюбленном кучере» 1690 года, которую продавали на перекрестках и распевали в пивных, гласит:

To Jenney they wisht me, indeed she was fair
But a pox on her Carrots, I lik'd not red hair,
Her skin I did lov, but her hair I did hate,
I ne'r in my Life coud love Carrot-pate²¹.

Меня сосватали Дженни, была она красотка,
Но рыжих не люблю я, будь проклята Морковка,
Мне нравилась ее кожа, а волос я терпеть не мог,
Рыжую макушку любить не дай мне бог.

Травля рыжеволосых продолжилась в последующие века (ил. 0.5) и даже сейчас остается обычным делом. Большинство обладателей рыжих волос сообщают, что их дразнят, многие сталкиваются с проявлениями агрессии, и для некоторых это оборачивается длительной психологической травмой, заставляя испытывать глубокое чувство своей непохожести на других и дискриминации²². Всем нам знакомо такое подначивание, дразнилки о рыжих слышны повсюду: в 2011 году даже тогдашний заместитель лидера лейбористской партии и, по иронии судьбы, бывший министр по вопросам равноправия Хэрриет Харман назвала коллегу-парламентария «рыжим грызуном» – за что в результате протеста общественности она впоследствии принесла извинения²³. Что же касается агрессии, в некоторых случаях в Великобритании она переросла в беспричинные и жестокие преступления на почве ненависти, направленные против отдельных лиц и целых семей, очевидно, по той лишь причине, что у них были рыжие волосы²⁴. В качестве реакции на такое предубеждение в настоящее время наблюдается тенденция к позитивным действиям, когда рыжие во всем мире проводят собственные парады (ил. 0.6). Первое такое событие в Великобритании состоялось в 2013 году во время Эдинбургского фестиваля, но их становится все больше, и в настоящее время подобные мероприятия планируются по всему миру²⁵.

²⁰ Torriano G. The second alphabet consisting of proverbial phrases. London, 1662. P. 211.

²¹ [Anon.] A new ballad of an amorous coachman. [London], 1690.

²² Bullied Anorexic is a Cut Above // Metro. 2011. December 6. P. 9.

²³ Этот случай широко освещался в британской прессе. См., например: Harriet Harman Says «Ginger Rodent» Comment Was Wrong // BBC News. www.bbc.co.uk/news/uk-scotland-scotland-politics-11658228 (по состоянию на 29 января 2017).

²⁴ Jones N. Should Ginger-Bashing Be Considered a Hate Crime? // New Statesman. 2013. January 10. www.newstatesman.com/nelson-jones/2013/01/should-ginger-bashing-be-considered-hate-crime (по состоянию на 29 января 2017).

²⁵ Список мероприятий можно найти на сайте «Ginger Parrot». gingerparrot.co.uk (по состоянию на 29 января 2017).

Ил. 0.6. Участники Марша рыжих 2013 года в Эдинбурге

В XXI веке у нас больше нет оправданий для того, чтобы по внешнему виду судить о значимости человека и его соответствии социальным требованиям. Раньше структуры знания основывались на кажущейся связи между физическим и духовным миром, но в наши дни дело обстоит совершенно иначе. Теперь мы знаем: рыжие волосы происходят не от «грубого нрава», «дурной крови» и холерического темперамента, а наследуются через определенные рецессивные гены. В мире очень мало рыжих людей – согласно статистике, их число составляет всего 1% населения Земли, – однако в некоторых странах их доля гораздо выше, как, например, в странах Соединенного Королевства²⁶. Поскольку этот ген рецессивный, среди нас много больше людей, являющихся носителями «рыжей» ДНК, но у них она замаскирована генетическим кодом более распространенных цветов волос. Именно в малой распространенности рыжих волос кроется причина сохранения современных предрассудков и стереотипов: это история о маргинализации определенного меньшинства.

Связанное с этим, но иное направление прослеживается, в частности, в прошлом веке в отношении к светлым волосам. Гены белокурых волос, как и рыжих, рецессивны, и светлые оттенки в масштабах планеты встречаются редко, по статистике, они составляют всего 2%: в плане цвета волос человечество в подавляющем большинстве темное²⁷. Однако в некоторых регионах, например в Северной Европе и Северной Америке, доля светловолосых гораздо выше, и они имеют выраженную культурную привлекательность. Ее самым токсичным проявлением был арийский миф: при нацистском режиме вера в превосходство блондинов, особенно с голубыми глазами, была, с одной стороны, связана с программами принудительной селекции применительно к человеку, а с другой – с геноцидом²⁸. Но есть и другие формы культурного

²⁶ См. статистику: Swami V., Barrett S. British Men's Hair Color Preferences: An Assessment of Courtship Solicitation and Stimulus Ratings // *Scandinavian Journal of Psychology*. 2011. Vol. 52. Is. 6. P. 595.

²⁷ Ibid.

²⁸ Pitman. *On Blondes*. Pp. 155–201.

империализма, которые скрытно распространяют веру в превосходство светлого цвета волос. Начиная с 1930-х годов с конвейера Голливуда сошли множество светловолосых экранных богинь и целая серия фильмов, в которых цвет волос приравнивается к состоянию души. Начиная с «Платиновой блондинки» в 1931 году с Джин Харлоу в главной роли (ил. 0.7) и заканчивая фильмом «Джентльмены предпочитают блондинок» в 1953 году с Мэрилин Монро, только за этот период появилось семнадцать лент с «блондинкой» в названии – почти по фильму каждый год²⁹. Что же до женщин, чьи светлые локоны стали настоящими символами, в их случае краска для волос помогала достичь того, чего не было дано природой. Самым ярким примером этой культурной программы является не преобразование светло-русой Монро в обесцвеченную блондинку, а превращение американки испанского происхождения Маргариты Кансино в красотку-блондинку Риту Хейворт, включавшее смену имени, окрашивание волос и электролиз для поднятия линии роста волос (ил. 0.8 и 0.9).

Ил. 0.7. Пероксидная блондинка Джин Харлоу. 1933

²⁹ «Платиновая блондинка» (Platinum Blonde, 1931); «Безумная блондинка» (Blonde Crazy, 1931); «Белокурогая Венера» (Blonde Venus, 1932); «Блондинка в плену» (The Blonde Captive, 1932); «Блондинка из варьете» (Blondie of the Follies, 1932); «Взрывоопасная красotka» (Blond Bombshell, 1933); «Не ставь на блондинок» (Don't Bet on Blondes, 1935); «Блондинка-обманщица» (Blond Cheat, 1938); «Блонди» (Blondie, 1938); «Клубничная блондинка» (Strawberry Blonde, 1941); «Моя любимая блондинка» (My Favourite Blonde, 1942); «Энди Харди и беда с блондинками» (Andy Hardy's Blonde Trouble, 1944); «Светловолосая лихорадка» (Blonde Fever, 1944); «Зажигательная блондинка» (Incendiary Blonde, 1945); «Звездный час Блонди» (Blondie's Big Moment, 1947); «Прекрасная блондинка из Бэшфул Бенд» (The Beautiful Blonde from Bashful Bend, 1949); «Джентльмены предпочитают блондинок» (Gentlemen Prefer Blondes, 1953). Несмотря на то что в последующие годы поток подобных кинокартин сократился, он никогда полностью не иссякал. Среди более поздних фильмов о блондинках можно назвать: «Три блондинки в его жизни» (Three Blondes in His Life, 1961); «Влюбленная блондинка» (A Blonde in Love, 1965); «Любовные похождения блондинки» (The Loves of a Blonde, 1965); «У блондинок пушки круче» (Blondes Have More Guns, 1995); «Последняя из блондинок-красоток» (The Last of the Blonde Bombshells, 2000); «Блондинка в законе» (Legally Blonde, 2001); «Настоящая блондинка» (Totally Blonde, 2001); «Блондинка с амбициями» (Blonde Ambition, 2007); «Блондинка и блондинка» (Blonde and Blonder, 2007); «Кинозвезда в погонах» (Private Valentine: Blonde and Dangerous, 2008).

Ил. 0.8. Карьера юной Маргариты Кансино началась с исполнения испанских танцев в дуэте с отцом. На этом снимке, опубликованном в журнале *The American Magazine* в 1942 году, ей около двенадцати лет

Ил. 0.9. Апофеоз Маргариты Кансино: сногшибательная блондинка Рита Хейворт в объ-
ятиях Орсона Уэллса в фильме «Леди из Шанхая». 1947

Ил. 0.10. Барби в платье из волос от дизайнера Жан-Шарля де Кастельбажака, созданном в 2009 году для выставки, которая была посвящена пятидесятилетнему юбилею куклы. Волосяной ансамбль Кастельбажака – это квинтэссенция главной черты внешности куклы Барби и ее идейного содержания

Этот специфический эталон красоты получил всемирное распространение посредством медиа, рекламы и косметических товаров³⁰. Одним из его воплощений стала Барби (ил. 0.10), кукла, социализировавшая целые поколения девочек, которые хотели стать на нее похожей. Это желание, как кажется, не покинуло их и во взрослой жизни. Теперь блонд – это новый черный для миллионов женщин средних лет. Когда естественный пигмент начинает покидать их волосы, они решают, что оттенки желтой гаммы и высветленные пряди помогают выглядеть моложе и более идут к лицу, чем их натуральный цвет. По некоторым данным, на западе почти каждая третья белая женщина окрашивает волосы в один из оттенков блонда³¹.

Культурное влияние светлого и рыжего цвета волос наглядно, хотя и по-разному, показывает то, до какой степени мы по-прежнему соотносим внешний вид волос с рядом личных качеств и стереотипов³². Несмотря на то что мы знаем, что наши уникальные «я» формируются в результате взаимодействия генетики и окружающей среды, мы в целом упорно относимся к волосам как к признаку, прямо указывающему на личные качества человека. По-видимому, то же самое мы проделываем с другими аспектами внешности: с фигурой, весом, цветом кожи и, конечно, с одеждой. Все это – визуальные подсказки, с помощью которых мы интерпретируем окружающих, а также себя самих. Тем не менее волосы занимают особое место среди этих означающих в силу своего пограничного положения. Волосы – природная данность, но их «носят». Они являются частью нашего культурно сконструированного облика, но при этом остаются частью тела, пусть и более пластичной, чем все остальные. Их даже можно обрезать, и они начнут жить своей жизнью. Именно об этом отдельном существовании далее и пойдет речь.

Субъект/объект

Волосы тесно связаны с нашей индивидуальной идентичностью и являются частью нашего общечеловеческого опыта, но этой онтологической ролью они не ограничиваются. При всей своей субъективной значимости волосы на удивление часто объективируются. Волосы являются частью нас, неповторимой, как и мы сами; заключенная в них точная генетическая информация не совпадает ни с кем и ни с чем в этом мире. И все же при этом волосы – это вещь, их можно отрезать и они будут существовать независимо от тела, обладая большей долговечностью и принимая совершенно разные значения. То, как их статус «отделяемой части» человека связан с использованием волос в качестве сентиментального подарка на память, не нуждается в объяснении. Нам всем знакомо представление о волосах как о личном символе, и локон с первой стрижки ребенка – это обычный сувенир. Непродолжительный поиск в интернете позволяет найти советы по различным декоративным способам хранения этого сокровища, а также широкий ассортимент ювелирных изделий, таких как медальоны и подвески, куда можно вложить локон.

Эта практика имеет долгую историю. Например, в 1617 году леди Энн Клиффорд записала в своем дневнике, что отправила своей золовке «локон волос младенца»: младенцем была дочь Энн, Маргарет, в то время начинавшая ходить³³. На некоторых портретах XVII века модели изображены с волосными браслетами или ожерельями, сплетенными из прядей доро-

³⁰ Jones G. Blonde and Blue-Eyed? Globalizing Beauty, c. 1945 – c. 1980 // *Economic History Review*. 2008. Vol. 61. Pp. 125–154.

³¹ Pitman. *On Blondes*. P. 4.

³² Недавние исследования в области психологии подтверждают силу этих стереотипов, демонстрируя, что блондинкам уделяется больше внимания и что люди негативно реагируют на рыжих обоих полов. См.: Swami and Barrett, «British Men's Hair Color Preferences»; Guéguen N. Hair Color and Courtship: Blond Women Received More Courtship Solicitations and Redhead Men Received More Refusals // *Psychological Studies*. 2012. Vol. 57. Pp. 369–375.

³³ *The Diaries of Lady Anne Clifford* / Ed. D.J.H. Clifford. Stroud: Alan Sutton, 1990. P. 56.

гих сердцу людей. Также во второй половине века в моду вошли именные траурные украшения. Подобные предметы заключали в себе прядь волос покойного, обычно ее помещали под хрусталь или стекло для прочности и красоты, с оправой из драгоценных металлов и камней³⁴. Возможно, именно такое украшение описывалось в объявлении о пропаже, опубликованном в сентябре 1701 года: «Волосной перстень, с монограммой в центре и бриллиантом с каждой стороны». Нашедшему кольцо владелец обещал вознаграждение в размере одной гинеи³⁵. Существует масса письменных свидетельств об использовании волос в качестве материального символа отношений: всевозможные тексты, рассказывающие о людях, которые просят или дарят прядь волос как залог любви при жизни или в память о человеке после его смерти. Самый известный пример любовного присвоения волос описан в ироикомиической поэме Александра Поупа «Похищение локона» (1712)³⁶. Поэма представляет собой комично возвышенное описание последствий того, что у героини Белинды без ее разрешения обрезают локон волос, когда она склоняется над чашкой кофе во время полдника. Похититель, безудержно влюбленный в нее, планирует сделать из волос перстень, что еще больше оскорбляет Белинду (Песнь IV, строки 113–116):

Неужто так судьбой предрешено?
Неужто с бриллиантом заодно
Сверкать придется вечно красоте —
О, ужас! – на разбойничьем персте?³⁷

Поэма основана на реальных событиях: исторический прототип героини, Арабелла Фермор, разорвала помолвку с лордом Робертом Питре после того, как он отрезал локон ее волос. Их общий друг, обеспокоенный разрывом двух семейств, обратился к Поупу, чтобы тот написал поэму, которая могла бы способствовать примирению. По словам самого автора, поэма «Похищение локона» была попыткой «обратить все в шутку и благодаря смеху свести их снова вместе». Хотя поэма впоследствии стала классикой английской литературы, она не помогла вразумить Арабеллу, и брак так и не состоялся.

В качестве примера хранения волос в память об усопшем, сохранилось письмо, написанное сэром Кенельмом Дигби (1603–1655) в 1633 году, всего через две с половиной недели после смерти его жены Венеции. Письмо адресовано их маленьким детям. Безыскусные подробности этой рукописи раскрывают эмоциональную значимость нескольких локонов Венеции, которые сохранил сэр Дигби, и демонстрируют, как они функционировали в качестве опоры для памяти и служили, чтобы сохранить ее присутствие даже в ее отсутствие. Письмо познавательно также и в других аспектах: оно проливает свет на представления раннего Нового времени о соответствии между типом волос, характером и телосложением, а также указывает на физическое перенапряжение, которое Венеция испытала во время родов, из-за чего ее волосы выпали (роды и сегодня считаются причиной временной алопеции). Также в письме описывается, как четыреста лет назад укладывали волосы с помощью шипцов для завивки, и передается досада этой давно умершей женщины от того, что ее густые, тонкие и мягкие волосы отказывались принимать форму, которую она кропотливо пыталась им придать. Этот

³⁴ Phillips C. Jewelry: From Antiquity to the Present. London: Thames and Hudson, 1996. P. 81.

³⁵ London Gazette. 4 September 1701 – 8 September 1701. Об украшениях из волос в XVIII веке см.: Holm C. Sentimental Cuts: Eighteenth-Century Mourning Jewelry with Hair // Eighteenth-Century Studies. 2004. Vol. 38. Pp. 139–143.

³⁶ Впоследствии поэма была дописана, более полные версии были опубликованы в 1714 и 1717 годах: Pope A. The Rape of the Lock // Martin Price (ed.). The Restoration and the Eighteenth Century. The Oxford Anthology of Literature. Oxford: Oxford University Press, 1973. Pp. 321–344 (цитаты на с. 321, 337).

³⁷ Перевод приводится по изданию: Поуп А. Поэмы. М.: Художественная литература, 1988.

фрагмент письма сэра Кенельма Дигби настолько примечателен, что его стоит процитировать полностью:

Волосы ее были скорее темными, но сияли удивительно ярким естественным блеском. Они во много раз превосходили по мягкости самые мягкие, какие я когда-либо видел, что часто наводило меня на размышления о том, что правила Физиогномики не раз оказываются справедливыми, ведь они предписывают судить о кротости и доброте нрава особы по мягкости и тонкости ее волос. Ничего нежнее ее волос нельзя и помыслить; я часто держал в своей ладони пригоршню их и едва ощущал, что касался чего-либо: волосы на ее голове были обильны и густы, и они были очень длинные, пока она не потеряла большую их часть, производя на свет одного из вас, но они были такими мягкими и тонкими, что когда они были убраны, то, казалось, не занимали никакого места. То, за что все так любовались ее волосами, саму ее часто огорчало, ибо они были такие нежные и мягкие, что не оставались завитыми и четверти часа; даже влажный воздух распускал завитки, ведь только грубым и крепким волосам свойственно надолго запечатлевать след щипцов для завивки. Эти локоны – вся красота, что осталась от нее и над которой смерть не возымела власти; перед тем как ее тело набальзамировали и одели в погребальные одежды, я приказал отрезать прядь волос и буду хранить ее, пока я жив, как реликвию и как часть той красоты, с которой, я уверен, не сравнится ни одна женщина в мире³⁸.

Однако лишь в XIX столетии культ волос и их превращение в символические и декоративные аксессуары достигли своей кульминации³⁹. Волосы стали расхожей валютой sentimentalного обмена, которая была в обращении не только между любовниками и близкими родственниками, но также и между друзьями и людьми, чьим расположением дорожили. Наверное, самым экстравагантным примером этой широко распространенной практики был дар Байрону от леди Каролины Лэм под конец их публичного и бурного адюльтера – она подарила ему волосы, срезанные с лобка⁴⁰. Порой подаренные волосы хранились очень бережно, как, например, «длинный локон черных волос», принадлежавший невесте Фредерика Хейла, который тот хранит в своей записной книжке, в романе Элизабет Гаскелл «Север и юг» (1855)⁴¹. Тем не менее как женщины, так и мужчины часто заказывали для хранения такого рода сувениров ювелирные украшения и бижутерию (ил. 0.11). Эта практика ярко отражена в описании, которое оставила в 1888 году досточтимая Хэрриет Фиппс, одна из фрейлин королевы Виктории, увлекавшейся этими памятными сувенирами с реликвиями членов своей семьи: «Она носила десятки браслетов, которые гремели при ходьбе <...> К ним были прикреплены многочисленные мелкие медальоны с волосами ее родственников, умерших и живущих»⁴². Даже память о любимых питомцах могла быть увековечена таким образом. В коллекции Британского музея,

³⁸ Digby K. Letter Book 1633–1635. Smith College, Rare Book Room Cage, MS 134, p. 40–41. Благодарю Питера Сталлибрасса за то, что он щедро поделился со мной этой информацией.

³⁹ Об изделиях из волос того времени см.: Sheumaker H. «This Lock You See»: Nineteenth-Century Hair Work as the Commodified Self // Fashion Theory: The Journal of Dress, Body & Culture. 1997. Vol. 1. Pp. 421–445. (На русском языке: Шумейкер Х. «Я прядь волос своих, мой друг, дарю тебе»: плетение волос в XIX веке как коммодифицированное «я» // Теория моды: одежда, тело, культура. 2008. № 7. С. 95–121); Rahm V.L. Human Hair Ornaments // Minnesota History. 1974. Vol. 44. Pp. 70–74; Pointon M. Brilliant Effects: A Cultural History of Gem Stones and Jewellery. New Haven; London: published for The Paul Mellon Centre for Studies in British Art by Yale University Press, 2009. Pp. 293–311.

⁴⁰ March R. The Page Affair: Lady Caroline Lamb's Literary Cross-Dressing. www.sjsu.edu/faculty/douglass/carol/PageAffair.pdf (по состоянию на 22 января 2017).

⁴¹ Gaskell E. North and South. London: Penguin, 2012. P. 313.

⁴² Cit. ex: Gere C., Rudge J. Jewellery in the Age of Queen Victoria: A Mirror to the World. London: British Museum Press, 2010. P. 73.

к примеру, хранится золотая брошь, украшенная миниатюрным портретом белого шпица на хрустале (ил. 0.12). Во внутреннем отделении заключен завиток светлой шерсти, на обороте надпись: «Преданный и верный», а также указана кличка – Мафф (англ. tuff – меховая муфта), возраст, дата и место смерти⁴³.

Ил. 0.11. Викторианские ювелирные украшения из волос и траурные аксессуары с локонами умерших. В самой крупной броши волосы использованы в изображении сентиментального пейзажа с гробницей, озером и плакучей ивой

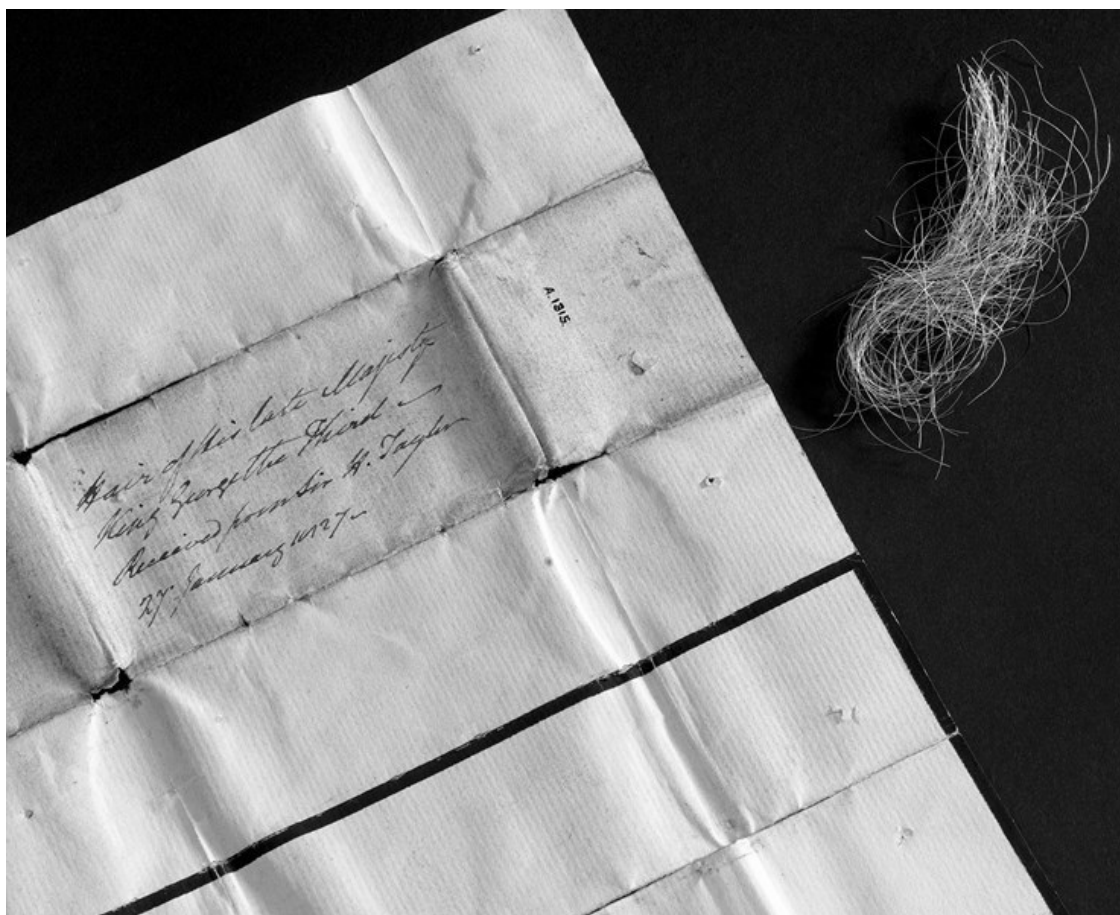
⁴³ Ibid. Pp. 167, 170. Fig. 124.

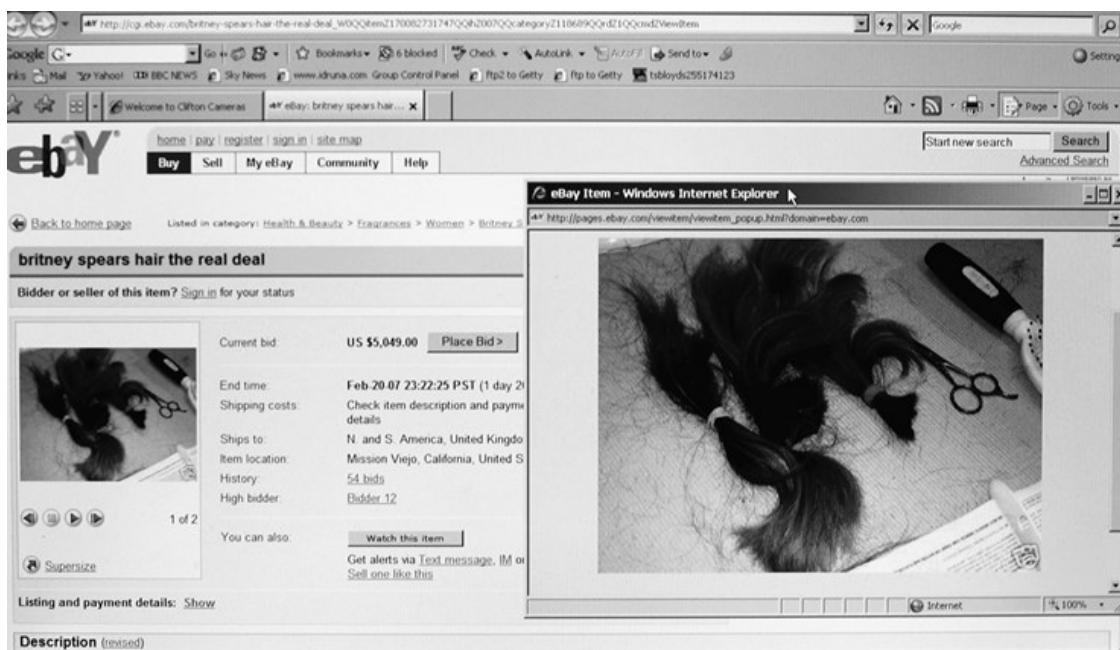
Ил. 0.12. Брошь с надписью в память об умершем питомце, шпиге по кличке Мафф, на золотой подложке, содержащая клочок шерсти собаки. 1862

Просмотр архивов Британской библиотеки в этом свете вызывает непривычное осознание того, что ее фонды хранят не только литературные, но и человеческие реликвии. Сложенные в конверты, прикрепленные к бумагам и заложенные в записных книжках, многочисленные завитки, локоны и пряди человеческих волос нашли последнее пристанище под сводами и в подвалах библиотеки. Большая их часть была срезана с голов людей, имена которых нам ни о чем не говорят, чьи семейные архивы перешли в хранение библиотеки разными путями. Но также есть большое число предметов, увековечивающих память о знаменитостях: прядь с головы Бетховена, срезанная в день его смерти в 1827 году и пришитая к бумаге; немного волос Шарлотты Бронте, взятых после ее смерти в 1855 году; волосы Диккенса, сопровождаемые запиской от его золовки, подтверждающей их подлинность. Прядь волос Нельсона хранится в деревянной шкатулке, волосы Гёте – в конверте, а еще есть целая коллекция локонов представителей династии Ганноверов (ил. 0.13). Есть даже прядь волос Симона Боливара, революционного лидера в войне за независимость испанских колоний в Южной Америке⁴⁴.

⁴⁴ Архив Британской библиотеки: Beethoven, RPS MS 406; Brontë, Egerton MS 3268 B; Dickens, RP 8738/3; Nelson, Add MS 56226; Goethe, Zweig MS 155; Hanoverians, Add MS 88883/4/8; Bolívar, Add MS 89075/12/1.

Ил. 0.13. Локон волос из коллекции Музея науки, Лондон, предположительно принадлежавший Георгу III. Он был куплен на аукционе в 1927 году завернутым в документ, подтверждающий его происхождение.

Ил. 0.14. Волосы Бритни Спирс, выставленные на торги на сайте Ebay. 2007

Эти удивительные реликвии, хранящиеся в Британской библиотеке, напоминают нам о том, что таким образом можно увековечивать память не только о любимых и близких. Волосы знаменитостей также могут выступать чтимым объектом. Крайне распространенное в средневековом культе святых, когда описи священных частей тела и жидкостей, естественно, включали в себя эти наиболее легко отделяемые фрагменты, почитание волос также может быть вызвано мирской славой их первоначального обладателя. Эта разновидность объективации не только по-прежнему с нами, но и, по-видимому, набирает силу, по мере того как наши деньги воздают почести современным светским иконам: звездам. Так, спустя пять месяцев после смерти Дэвида Боуи в 2016 году локон его волос был продан на аукционе за 18 750 долларов. Боуи далеко не единственный, чьи волосы становятся предметом коллекционирования: от Че Гевары до Джастина Бибера, от Джона Кеннеди до Джона Леннона, пряди волос знаменитостей покупаются и продаются, часто через интернет (ил. 0.14). Даже за самые крошечные пучки или несколько волосинок могут выплачиваться огромные суммы: в настоящий момент рекорд составляет 115 000 долларов за кудри с головы Элвиса Пресли⁴⁵.

Во всех этих случаях использования волос их объективация прочно укоренена в их связи с субъектом. Помещаются под хрусталь или продаются за большую сумму не просто какие-то там волосы, а пряди, принадлежавшие *конкретному* человеку. Отсюда проистекает важность провенанса и тех сопроводительных записок из собрания Британской библиотеки, которые доказывают истинную принадлежность волос. Но существуют и другие способы, с помощью которых волосы превращались в произведения искусства или ремесла, чье значение не зависело от источника их происхождения. Они обрывают какие-либо связи с индивидуальностью, которую стремятся сохранить при искусном оформлении сувенира из локонов определенного человека. В XIX веке волосы использовали как самостоятельный материал для создания диковинок (ил. 0.15). На Всемирной выставке 1851 года подобным изделиям из человеческих волос были отведены два помещения. Удивленным взорам тысяч посетителей предстали «серьги, браслеты, броши, кольца, кошельки – волосы, обработанные всеми мыслимыми способами – во всевозможных витках и изгибах, в виде перьев и цветов, свитков или букетов <...> и корзина около восемнадцати дюймов диаметром, наполненная цветами и фруктами»⁴⁶. Изделия из волос появлялись на международных выставках и впоследствии: на Всемирной выставке 1855 года в Париже экспонировался портрет королевы Виктории в полный рост и в натуральную величину, выполненный исключительно из волос⁴⁷.

⁴⁵ Прядь волос Че Гевары, а также его посмертные фотографии и отпечатки пальцев были проданы сотрудником ЦРУ за 119 500 долларов. См.: Most Expensive Lock of Hair // Time. content.time.com/time/specials/packages/article/0,28804,1917097_1917096_1917086,00.html (по состоянию на 18 января 2017).

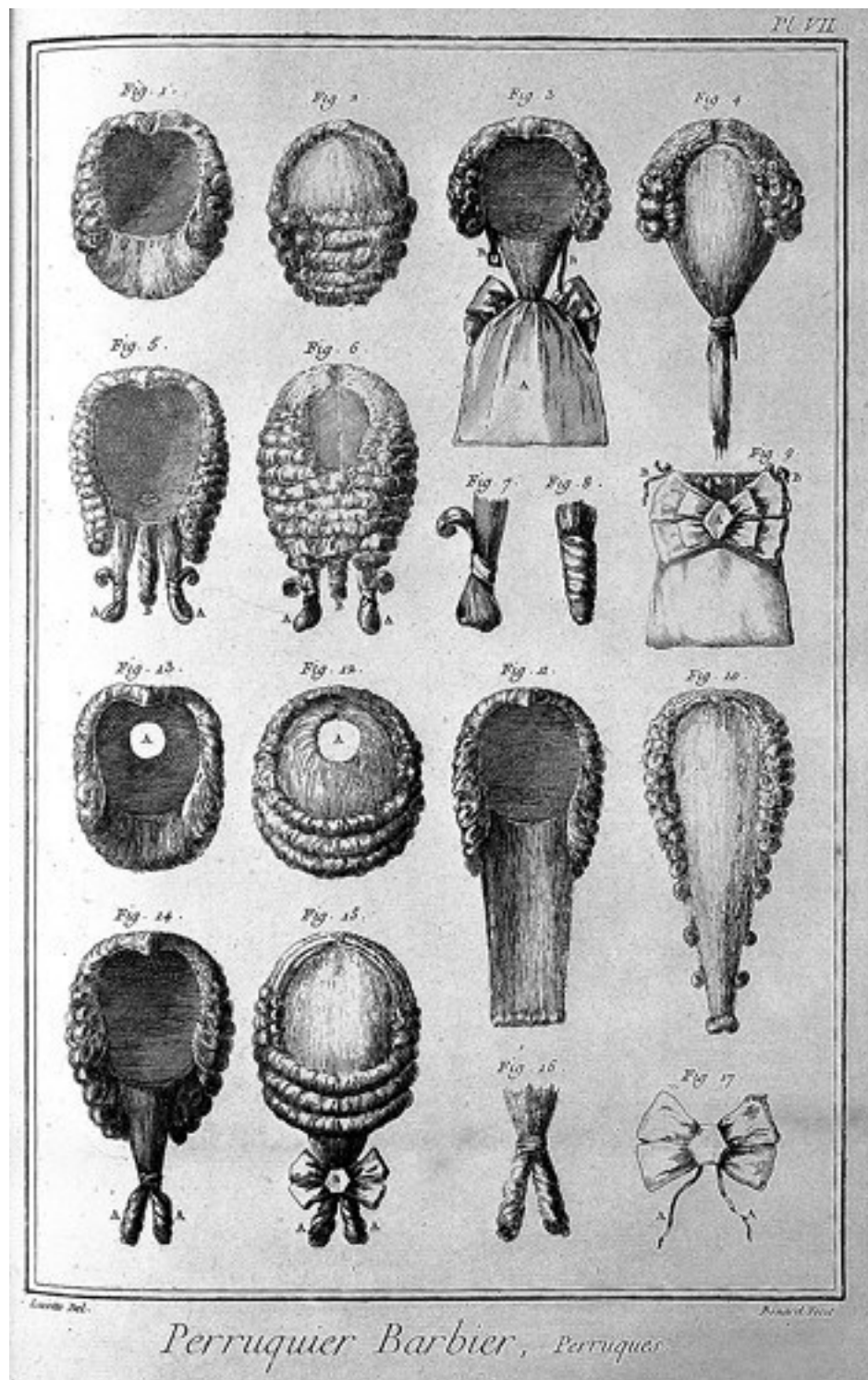
⁴⁶ Ofek. Representations of Hair. P. 43. Более общие сведения об изделиях из волос см.: Gere and Rudoe. Jewellery in the Age of Queen Victoria. Pp. 164–170.

⁴⁷ Ofek. Representations of Hair. P. 44.

Ил. 0.15. Чепец, полностью сплетенный из человеческих волос. Ок. 1850

Все же чаще всего волосы в качестве объекта принимали форму дополнения к телу другого человека. Спрятанные, оставаясь у всех на виду, срезанные волосы принимали форму париков, шиньонов, накладок и постижей – предметов, чрезвычайно важных для моды и телесных практик XVIII и XIX веков (ил. 0.16). Такая трансформация не была лишена иронии. Натуральные волосы обрабатывались и преобразовывались, утрачивали свою личную природу, чтобы стать анонимным товаром, готовым к продаже. Однако, когда их покупал и надевал новый владелец, они приобретали новую идентичность; имитируя «настоящие» волосы владельца, они получали новую субъективность (ил. 0.17).

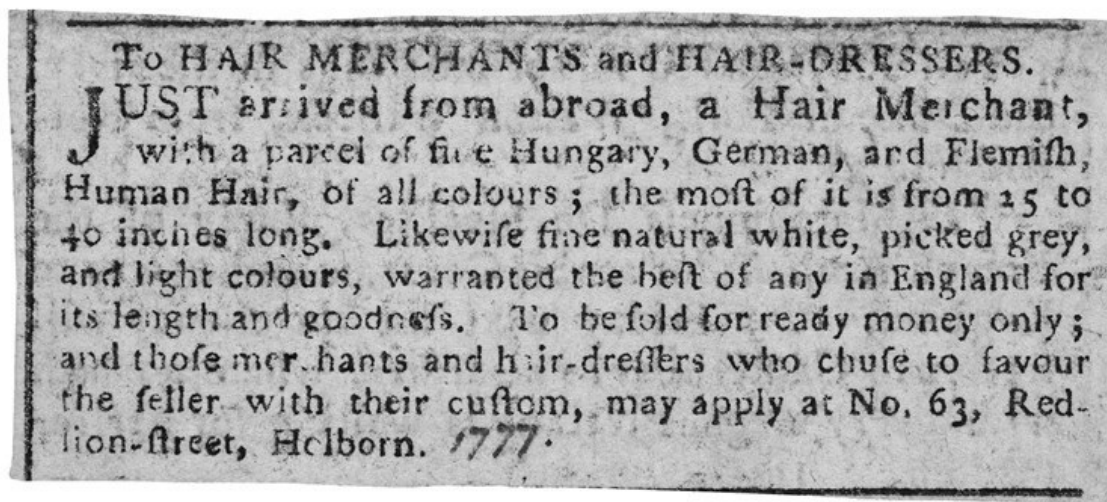
Ил. 0.16. Страница из Энциклопедии Дидро с иллюстрацией, представляющей различные виды париков. 1762.

Ил. 0.17. Гравюра начала XIX века, изображающая женщину с простой накладкой из волос: кудри, закрепленные на ленте

Но все эти волосяные изделия заставляют задуматься: откуда взялось сырье и как его поставляли? В Великобритании торговля волосами достигла выдающихся масштабов в XVIII веке, когда рынок значительно расширился за счет ношения париков, и предприимчивые люди получили возможность зарабатывать себе на жизнь изыскивая и поставляя этот натуральный продукт. Вовлеченные в торговлю волосами были представителями всего социального и финансового спектра, начиная с неприятельных скупщиков волос на нижних ступенях социальной лестницы, которые бродили по стране, добывая волосы там, где и как могли,

до оптовых торговцев на ее вершине, приобретающих их товар. Кроме того, такие коммерсанты импортировали волосы, и, согласно описанию 1747 года, представленному в руководстве для потребителей «Лондонский негодник», как правило, сортировали и обрабатывали их, подготавливая к поставке производителям париков (ил. 0.18). Ассортимент их товаров мог быть очень разнообразен, и значительную часть капитала они держали в товарной форме. В 1744 году Томас Джеффрис подал объявление о том, что отходит от дел и продает с молотка свои складские запасы. Среди них он перечислил «широкий выбор человеческих волос всех видов в процессе завивки и уже завитых». Также Джеффрис выставил на продажу конский волос, козью шерсть и мохер (они шли на изготовление более низкосортных товаров), готовые парики различных фасонов и «всевозможные товары и принадлежности, употребляемые изготовителями париков»⁴⁸. Торговцы волосами на вершине иерархии могли быть весьма состоятельными людьми, как, например, «именитый» мистер Баньон, женившийся в 1738 году на богатой мисс Томлин из Нортгемптона и ее приданом в 5000 фунтов стерлингов⁴⁹. Эта торговая сфера была в определенной степени открыта для женщин, таких как вдова Элизабет Юр, в 1774 году унаследовавшая дело своего покойного мужа⁵⁰. На другом конце спектра были бедные странствующие торговцы, которые переходили из города в город в поисках девушек и женщин, желающих или вынужденных в силу обстоятельств продать свои волосы, будь то из-за бедности или, возможно, из-за плохого здоровья (лихорадку часто лечили, остригая волосы пациента). Иногда – этого опасались – волосы продавали после смерти обладательницы⁵¹. До появления скупщиков, специализировавшихся на волосах, и частично одновременно с ними волосы также покупали некоторые коробейники и разносчики: волосы довольно часто встречаются в описях их товаров конца XVII – начала XVIII века⁵². Жизнь на этой нижней ступени иерархии могла быть суровой и полной неопределенности, как мы видим из сообщения о работавшем в районе Глостера скупщике волос, найденном ноябрьским утром в канаве мертвым⁵³.

Ил. 0.18. Газетное объявление, уведомляющее парикмахеров и торговцев волосами о новом поступлении человеческих волос. 1777

⁴⁸ General Advertiser (1744). 1748. July 5.

⁴⁹ Reads Weekly Journal or British Gazetteer. 23 September 1738.

⁵⁰ Hair // London Chronicle or Universal Evening Post. 24 March 1774 – 26 March 1774.

⁵¹ См., например: Pepys. VI. P. 210.

⁵² Spufford M. The Great Reclothing of Rural England: Petty Chapmen and their Wares in the Seventeenth Century. London: Hambledon Press, 1984. Pp. 50–51.

⁵³ Country News Gloucester, Nov. 25 // Whitehall Evening Post or London Intelligencer. 28 November 1749 – 30 November 1749.

Низкие первоначальные затраты и высокий спрос на волосы, по-видимому, означали, что находилось немало мужчин, готовых рискнуть заняться такой торговлей. Кроме того, это занятие также обеспечивало прикрытие для менее законных замыслов. В XVIII веке странствующий образ жизни воспринимался с подозрением: домохозяева оставались на одном месте, а бродяжничали только те, у кого не было работы и имущества: проходимцы, беглые слуги и подмастерья – все те, кто оказался по ту сторону закона. Однако же роль скупщика волос, как кажется, предоставляла удобное прикрытие или оправдание для путешествий. Возможно, это был способ избежать лишних вопросов, кроме того, это занятие открывало возможность для случайных краж или спланированных ограблений. Соответственно, в объявлениях XVIII века, предупреждавших общественность о побегах преступников, нередко встречались предупреждения о том, что они могут выдавать себя за скупщиков волос. Таков был Джон Урлин, который бежал из тюрьмы первого февраля 1716 года. В объявлении дается полное описание его внешности и информация о том, что он «притворялся скупщиком волос». Награда за его поимку составляла две гинеи плюс обоснованные расходы⁵⁴.

Торговлю волосами на всех уровнях подстегивала сумма, которую можно было выручить за волосы хорошего качества. Торговец, в 1715 году потерявший некоторое количество импортированных из Фландрии волос, решил дать объявление о вознаграждении за их возврат. Волосы весили около 20 фунтов (9 кг), что, по его подсчетам, стоило того, чтобы предложить вознаграждение в 20 фунтов стерлингов «без выяснения обстоятельств»⁵⁵ – на сегодняшний день эта сумма эквивалентна почти 3000 фунтов стерлингов⁵⁶. Если после таких трат он все еще мог получить с волос прибыль, то это наглядно демонстрирует стоимость товара. Однако такой ценный и чрезвычайно портативный товар мог сделать уязвимым для кражи и ограбления и самого скупщика, как то случилось с торговцем волосами в 1725 году: темным декабрьским вечером на площади Линкольнс-Инн-Филдс на него напали два разбойника. Они ограбили его, присвоив себе «человеческие волосы высочайшего качества и большой ценности»⁵⁷. Крупные суммы также представляли соблазн для аферистов и мошенников, о чем свидетельствует карьера безымянного эдинбургского торговца волосами, который был заключен в тюрьму в 1729 году за то, что регулярно обманывал изготовителей париков, под видом человеческих волос продавая им шерсть, смешанную с конским волосом⁵⁸.

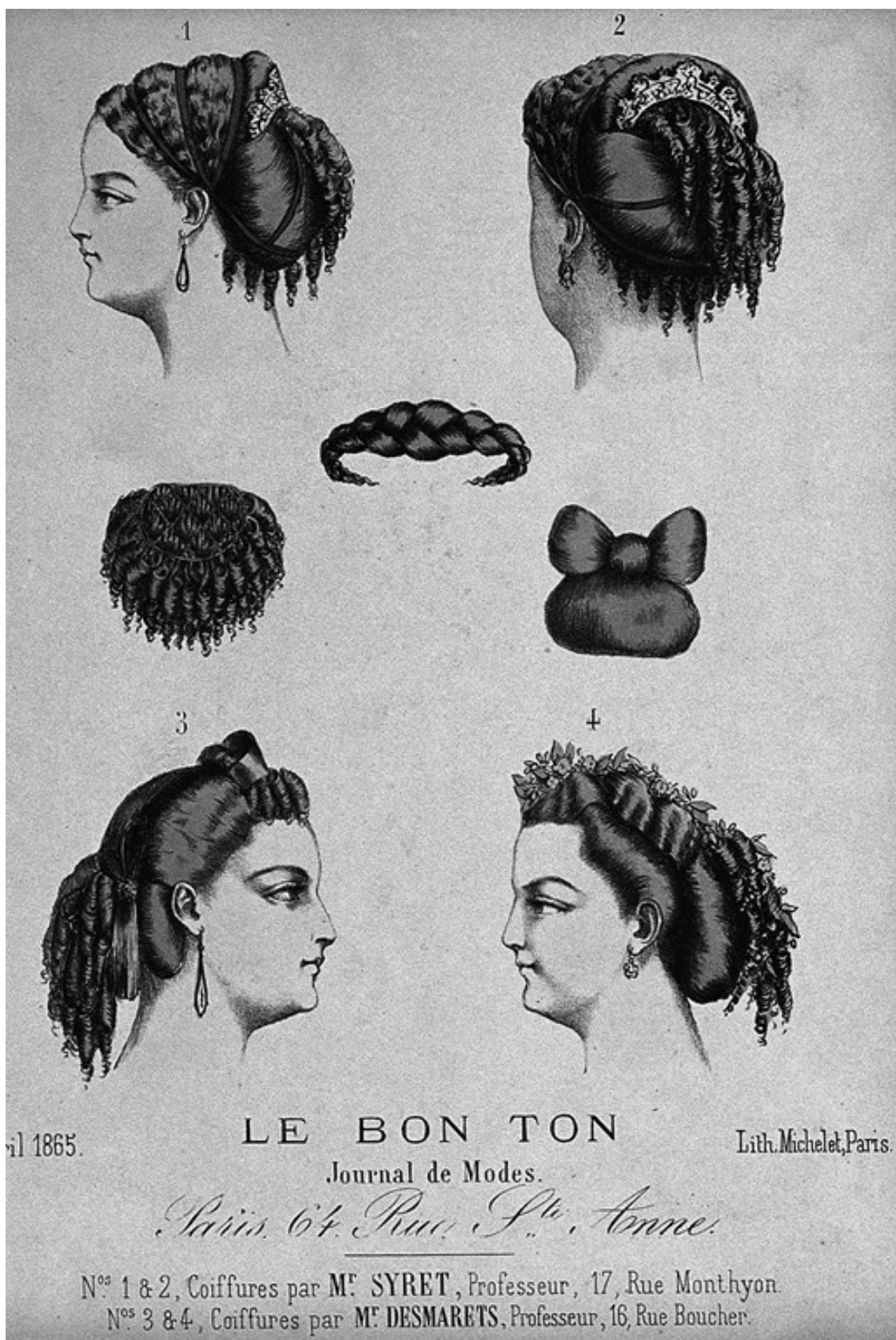
⁵⁴ St. James's Evening Post. 10 March 1716 – 13 March 1716.

⁵⁵ В британских газетах XVIII века объявления о пропаже вещей нередко подразумевали украденное имущество: газеты представляли собой публичное пространство, в котором владелец похищенного мог напрямую обратиться к вору в надежде выкупить свою вещь. (Прим. ред.)

⁵⁶ Daily Courant. 1715. October 5. Расчет проведен на основании материалов: Officer L.H., Williamson S.H. Five Ways to Compute the Relative Value of a UK Pound Amount, 1270 to Present // MeasuringWorth. 2017. www.measuringworth.com/ukcompare/ (по состоянию на 12 февраля 2017).

⁵⁷ Daily Post. 1725. December 24.

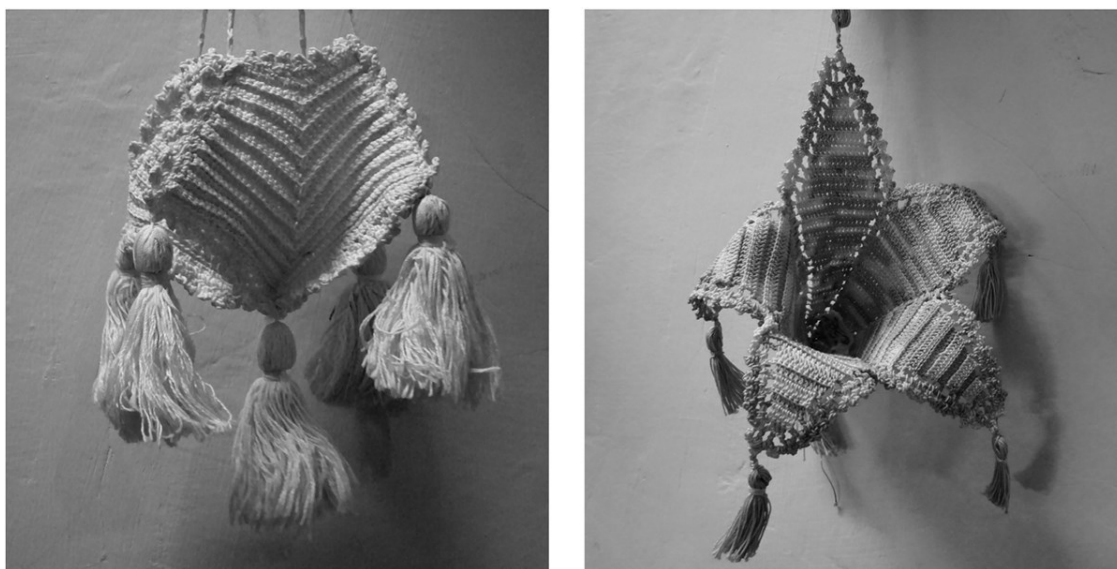
⁵⁸ Weekly Journal or British Gazetteer. 1729. August 9.

Ил. 0.19. Иллюстрация из журнала мод Le Bon Ton, на которой изображены разнообразные постижки и то, как их можно использовать в прическах. Апрель 1865

Хотя в XIX веке парики перестали быть обязательным аксессуаром для мужчин, в сложносоставных женских модных прическах использование накладных волос только возросло

(ил. 0.19). Ко второй половине столетия они стали именоваться общим термином «постижи» и включали в себя множество готовых композиций, включая шиньоны, косы и челки, прикрепленные к основе, которую фиксировали на собственных волосах дам. Эта мода продолжала развиваться и в первые годы XX века: французский парикмахер Эмиль Лонг в своей ежемесячной колонке для английского профессионального журнала *Hairdressers' Weekly Journal* в 1918 году подсчитал, что до 80% французских женщин носили какие-либо постижи. В соответствии с устойчивой тенденцией к демократизации моды в то время, благодаря которой массовое производство и массовая розничная торговля позволили еще большему количеству потребителей следовать модным веяниям, большинство тех женщин покупали недорогие товары в универмагах и галантерейных магазинах. Тем не менее в высшем обществе стоимость постижей от элитных парикмахеров достигала 500 франков, что, по словам Лонга, соответствовало 20 фунтам стерлингов (около 870 фунтов стерлингов в наши дни)⁵⁹.

Ил. 0.20. Мешочки для сбора волос эдвардианской эпохи, предназначенные для подвешивания на туалетном столике. Вероятнее всего, самодельные

Конечно, исходный материал для всех этих изделий не появлялся из ниоткуда. Порой женщины сами собирали собственные волосы с расчесок и щеток: для этой цели они могли завести специальный «волососборник» на туалетном столике – мешочек или другую емкость с отверстием сверху, куда складывали выпавшие волоски (ил. 0.20). Однако большая часть волос обращалась на рынке. В 1863 году в первом выпуске журнала *The Hairdresser's Journal* в очерке, посвященном рынку накладных волос, описывалось, как скупщики приходят к дамским парикмахерам, выкупая у них состриженные и вычесанные волосы. Другие источники были более сомнительными: как известно, женщины продавали волосы из-за болезни, от отчаянной бедности или из жадности. Особую обеспокоенность вызывала этичность сбора волос в тюрьмах, где насильственно обривали заключенных женского пола – эту практику многие признавали унижительной для жертвы и не имеющей оправдания⁶⁰.

В связи с высокой стоимостью волос и недостаточными объемами внутренних поставок предприимчивые скупщики постоянно находились в поиске новых источников. У Джорджианы Ситуэлл, родившейся в 1824 году, в детстве были очень светлые вьющиеся волосы длиной

⁵⁹ Zdatny S. (ed.) *Hairstyles and Fashion: A Hairdresser's History of Paris*. Oxford: Berg, 1999. Pp. 15–16, 160. Расчет проведен на сайте: www.measuringworth.com/lukcompare/ (по состоянию на 12 февраля 2017).

⁶⁰ *The Hairdressers' Journal, devoted to the Interests of the Profession*. [London, 1863, 1864]. Pp. 43–44.

ниже талии. Позднее она вспоминала, что, когда ей было 12 лет, парикмахер из Брайтона предложил ей купить ее волосы за 20 фунтов стерлингов, так как «они были точно такого цвета, какой требовался для изготовления накладок (fronts) для пожилых дам»⁶¹. Есть свидетельства того, что не все предприниматели были честны в своих деловых отношениях, и порой сообщалось о кражах «живых» волос. В Америке молодая жительница Бостона спускалась с лестницы, когда почувствовала, что кто-то потянул ее за волосы. Добравшись до дома, она обнаружила, что ее косу отрезали ножом, но, поскольку она была закреплена на голове шпильками, вор не смог ее отсоединить и присвоить. Десять лет спустя, в 1889 году, серия краж волос была зарегистрирована в Пенсильвании, при этом каждую из жертв, девочек подросткового возраста, удерживал один злоумышленник, а его пособник в это время срезал ее волосы⁶². Письмо в британскую газету *The Times* в январе 1870 года свидетельствует, что на этой стороне Атлантики бытовал схожий, хотя и не систематический, оппортунизм. Автор письма желал «предупредить дам о подлецах (мужчинах и женщинах), которые теперь наводняют оживленные улицы и omnibusы Лондона и крадут волосы». Жертвой подобного преступления стала подруга автора: посреди людной улицы ей отрезали «все ее волосы» и оборвали ленту капота. Лишь по возвращении домой она обнаружила, что случилось⁶³. Хотя в это трудно поверить на первый взгляд, громоздкие прически и головные уборы того времени – шляпа или капот, помещавшиеся на макушке головы, в сочетании с шиньоном на затылке, который иногда оставляли свободно ниспадать по плечам, – объясняют, как эта версия карманной кражи могла произойти незамеченной⁶⁴.

Многие из черт и проблем исторической торговли волосами сегодня по-прежнему актуальны. Несмотря на то что многие парики и накладки теперь производятся из синтетических волокон, для самых качественных и дорогих из них сырьем остаются человеческие волосы, и поэтому как товар волосы до сих пор пользуются спросом. Внутренние ресурсы, на которые некогда могли рассчитывать странствующие скупщики и продавцы волос, иссякли, и теперь преобладает импортное сырье. Во всем мире большая его часть поступает из Азии, региона, где женщины традиционно отращивают волосы, и по финансовым или культурным причинам могут быть готовы их продать⁶⁵. В значительной степени эта сфера торговли хорошо организована – например, торговля волосами в индуистских храмах в Индии. Там по религиозным мотивам каждый день тысячи женщин обривают головы и жертвуют свои волосы храму (ил. 0.21). Их собирают, очищают, сортируют и маркируют на специальных фабриках, а затем продают с торгов на международном рынке модных товаров. При этом по всей Азии действуют и частные предприниматели, ведущие дела на низшем уровне этой торговой сферы. Подобно скупщикам волос из Англии XVIII века, они бродят по стране, выкупая волосы напрямую у их владельцев. Женщины хранят волосы, выпавшие во время расчесывания или мытья головы и продают их странствующим торговцам, стоящим на первой ступени в системе снабжения. Однако и теперь прибыль, получаемая от этого человеческого товара, означает, что в ходе такой нерегулируемой торговли некоторые ее участники становятся уязвимыми. Есть свидетельства того, что иногда женщины лишаются волос насильно или их принуждают к продаже родственники. Между прочим, нет никакой объективной причины, по которой женские волосы состав-

⁶¹ Sitwell G. *The Dew, It Lyes on the Wood* // Osbert Sitwell (ed.) *Two Generations*. London: Macmillan, 1940. P. 3. Front – накладное изделие из волос, предназначенное для ношения спереди.

⁶² *Attempted Theft of a Lady's Hair* // *Cincinnati Daily Gazette*. 1879. October 30. P. 6 (также об этом писали в: *San Francisco Bulletin*. 1879. November 5. P. [1]. *A Theft of Beautiful Hair* // *Philadelphia Inquirer*. 1889. December 8. P. 2.

⁶³ *The Times*. 1870. January 20. P. 7.

⁶⁴ Cunnington C.W., Cunnington P. *Handbook of English Costume in the Nineteenth Century*. 3rd edn. London: Faber, 1970. Pp. 480–481, 510–512.

⁶⁵ В дальнейшем изложении я полагаюсь на следующих авторов: Tarlo E. *Entanglement: The Secret Lives of Hair*. London: Oneworld Publications, 2016; о пожертвованиях для храмов и принуждении: Edwards E. *Hair, Devotion and Trade in India* // Biddle-Perry and Cheang (eds). *Hair*. Pp. 149–166.

ляют наибольшую часть торговли, кроме их длины. Косички, срезанные у китайских мужчин в период колоссальной культурной трансформации, произошедшей с основанием Китайской Республики в 1912 году, также были выставлены на продажу, и до сих пор короткие волосы широко используются в Азии, где из них производят, например, канаты. Личные и обезличенные, натуральные и накладные, одновременно субъект и объект, мертвые, но растущие: волосы – это поистине многогранная, чудесная материя.

Ил. 0.21. Индуистка в процессе сбривания волос в храме Тирутани Муруган в Тирутани, Индия. Волосы будут пожертвованы храму, обработаны и проданы на международном рынке

Волосатая родословная

Биологически неизбежная, сарториально неизбывная, глубоко укорененная как в индивидуальном существовании, так и в общекультурных практиках, тема волос чрезвычайно широка. Поэтому она также взаимодействует со множеством различных дискурсов и концепций в рамках конкретного общества, будь то гендер и сексуальность, возраст, этническая принадлежность, религия, доступ к власти, политические проблемы, конструирование «другого» или здоровье и гигиена тела. Многое, таким образом, останется за рамками этой книги. Что она делает, так это помещает волосы в центр дискуссии, чтобы в исторической перспективе рассмотреть ключевые способы ухода за ними за последние пять столетий и то, как эти сведения могут способствовать пониманию более широких социальных и культурных процессов.

В первой главе мы рассмотрим практики ухода за волосами и связанную с ними материальную культуру, исследуя тонкую грань между допустимыми терапевтическими приемами в уходе за телом и запрещенными модификационными практиками. Препараты для волос, рецепты которых сохранились в рукописном виде или опубликованы в первых печатных книгах, изначально создавались в домашних условиях. В XVIII веке на рынке появились готовые продукты, их количество многократно возросло в XIX веке, в конце концов сформировав

глобальную индустрию, которая рекламирует себя за счет репутации именитых парикмахеров-звезд. Несмотря на эти грандиозные трансформации рынка и перемену мод, внимательное изучение продуктов для ухода за волосами позволяет увидеть, что проблемы, связанные с внешним видом волос, и желаемые результаты их решения в целом все это время оставались неизменными. Единственным исключением генеалогии процедур ухода за волосами и парикмахерских инструментов являются представления о том, что составляет чистоту – представления, которые оказываются неразрывно связанными с доступностью материальных ресурсов.

Ответив на вопрос «как?» относительно ухода за волосами, во второй главе мы сосредоточимся на вопросе «кто?». Это важно: хорошо сделанная работа укрепляет уверенность и чувство собственного достоинства человека, которому оказывается услуга, а плохо сделанная работа подрывает его. И хотя ошибки не являются непоправимыми, на их исправление могут уйти месяцы. Изучив исторические свидетельства, мы обнаруживаем, что этот вопрос является константой в ремесле, которое развивалось и изменялось, и чей набор навыков объединял несколько, на первый взгляд, разных профессий. Рассмотрев роли членов семьи, слуг и разнообразных специалистов по уходу за волосами, в нашем исследовании мы переходим к анализу характера отношений между парикмахером и клиентом. Их тесное взаимодействие обеспечивало удовольствие общения, провоцировало делиться секретами и способствовало сексуальным контактам. Оно также породило устойчивые стереотипы о парикмахерах как о болтунах, распутниках и геях.

Глава «Искусство быть безволосым» исследует долгую историю усилий, которые люди прилагали к удалению волос. Она начинается с рассмотрения недобровольных актов удаления волос, неизменно воспринимаемых как травмирующие посягательства на идентичность, а затем в фокусе нашего внимания оказываются практики мужского бритья. В качестве перформанса маскулинности оно было связано с представлениями о социальной уместности, вежливости, гигиене и социальных структурах, объединенных общим опытом. Создание «естественно» лишенной волос женственности является темой последнего раздела главы. Тесно связанная с фасонами одежды, депиляция следовала за все изменявшимися границами предметов гардероба, а волна оголения сопровождалась удалением вновь открывшихся взгляду волос на теле.

Последние три главы представляют собой ряд тематических исследований. В главе «Каково быть волосатым» рассматриваются три исторических периода, когда волосы на лице являлись основополагающим признаком для определенного конструкта маскулинности: эпоха Тюдоров и Стюартов; XIX век, когда «Бородатое движение» осознанно конструировало викторианскую мужественность; и контркультура XX века. В последнем разделе мы прислушаемся к тихому голосу бородатой женщины, постоянно присутствовавшей на периферии культурного дискурса, несмотря на все попытки укротить своенравную волосатость представительниц женского пола.

В заключительных главах исследуется длина волос как знак оппозиции политическому или социальному статус-кво. Отправной точкой является разделение на «круглоголовых» и «кавалеров» времен Гражданской войны в Англии, в которой, словно в историческом спортивном состязании, схлестнулись сторонники парламента, остриженные «под горшок», и роялисты с ниспадающими на плечи локонами. После тщательного изучения истоков и правдивости этого бессмертного образа мы перейдем ко второму кейсу – республиканской стрижке 1790-х годов. К распространению нового фасона причесок привели революционные события на континенте, протестантские волнения внутри страны и ажиотаж по поводу скандально известного налога на пудру для волос, и короткие стрижки приобрели политический смысл. Шестая глава «Вызов общественному вкусу: длинные и короткие» посвящена политизации причесок в XX веке, в первую очередь в фокусе внимания оказываются длинные волосы представителей молодежных движений и хиппи. Завершается книга развернувшейся в 1920-х годах

полемикой о стрижке «боб», в которой нашло отражение всеобщее беспокойство по поводу современности и роли женщин в складывающемся мировом порядке.

То, что мы делаем сейчас с волосами и как мы о них думаем, является отличительной чертой нашего времени, географического положения и культуры. Однако за всем этим стоит очень давнее прошлое, и его изучение может пролить свет на наши нынешние привычки и убеждения. У нас волосатая родословная, и я надеюсь, что эта книга поможет лучше понять наше место в ней.

ГЛАВА 1

Уход за волосами

Проблемы и способы их решения

В хозяйственной книге леди Энн Фэншоу (1625–1680) есть особый рецепт, который она записала, когда жила в Мадриде (ил. 1.1). Пока ее супруг, сэр Ричард, английский посол в Испании, был занят решением дипломатических вопросов, Энн обменивалась визитами и подарками с придворными дамами. Возможно, от одной из них она и получила этот рецепт. Подписанный леди Энн и датированный 8 декабря 1664 года, он называется «Масло королевы» и представляет собой снадобье для роста волос (ил. 1.2). Энн Фэншоу восхищалась многими аспектами испанской культуры, в том числе наружностью и чистоплотностью испанских женщин. «Их волосы, – как она позднее писала, – нежнее нежного»⁶⁶. Таким образом, можно вообразить, что это наблюдение – настоятельная рекомендация к применению рецепта. Однако триста пятьдесят лет спустя чудодейственное средство леди Энн лишь наглядно демонстрирует ту пропасть, которая отделяет нас от практик раннего Нового времени. Именно по этой причине оно является столь подходящей отправной точкой для обсуждения вопросов ухода за волосами.

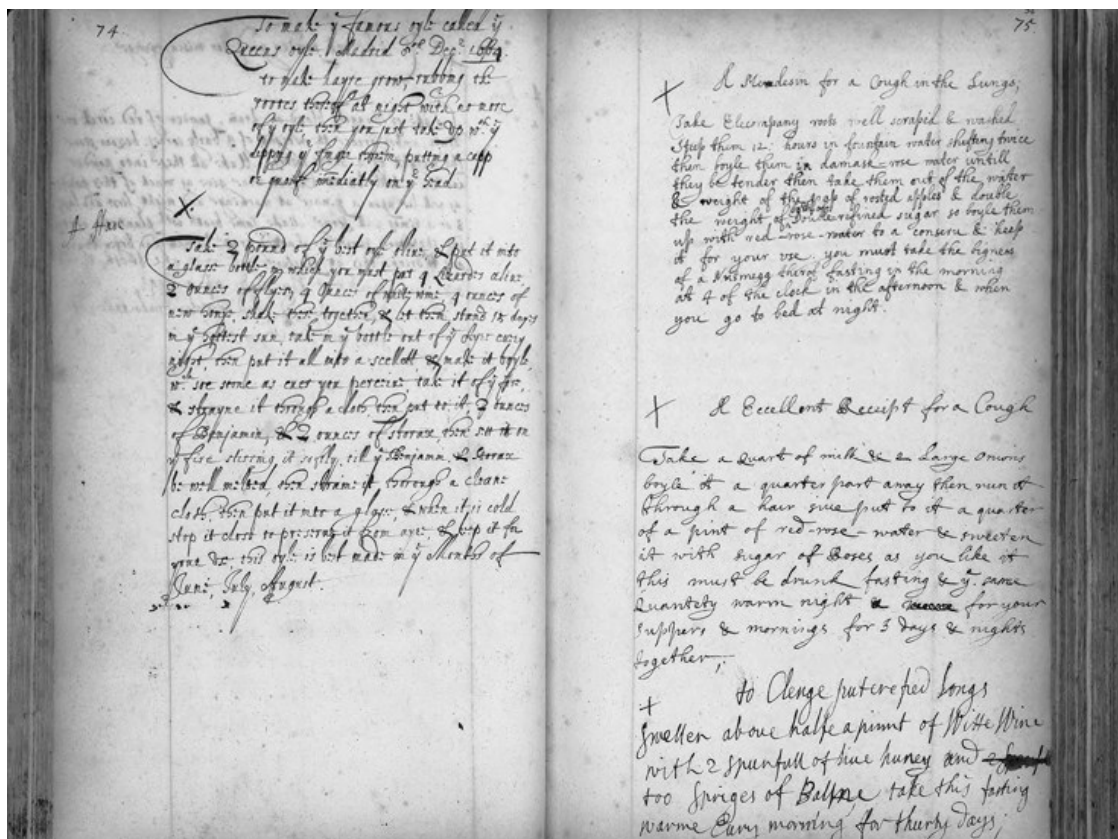
Возьмите наилучшее оливковое масло, писала леди Фэншоу, и наполните им стеклянную бутылку. К этому добавьте четырех живых ящериц, две унции мух, четыре унции белого вина и столько же меда⁶⁷. Все это встряхните и оставьте на палящем солнце на пятнадцать дней. Нагревание было важно, поскольку леди Энн отмечает, что летние месяцы: июнь, июль и август – лучшее время для изготовления масла. Разложившееся содержимое бутылки помещают в кастрюлю, доводят до кипения и процеживают через ткань. Добавляют по две унции росного ладана и стиракса (разные виды камеди, обладающие приятным ароматом), смесь нагревают, пока они не расплавятся, и снова процеживают. Готовое масло хранят в герметичной бутылке, и небольшое количество втирают на ночь в корни волос, а затем немедленно надевают чепец или шапочку.

⁶⁶ The Memoirs of Anne, Lady Halkett and Ann, Lady Fanshawe / Ed. John Loftis. Oxford: Oxford University Press, 1979. P. 173.

⁶⁷ Библиотека Веллкома, Лондон. Архив рукописей: Fanshawe, Lady Ann (1625–1680), MS.7113/29. Под словом «мухи» здесь может подразумеваться вещество кантаридин, получаемое из высушенного жука *Cantharis vesicatoria*, также известного как «шпанская мушка». Оно использовалось в составе средств для волос вплоть до XX века.

Ил. 1.1. Портрет леди Энн Фэншоу кисти неизвестного художника. Кон. XVIII —нач. XIX века

Ил. 1.2. Книга рецептов Энн Фэншоу. На странице слева представлен рецепт «Масла королевы»

Рецептура «Масла королевы» типична для бесчисленных снадобий для волос, свойства и достоинства которых тщательно записывались составителем рецепта вместе с ингредиентами и инструкциями, необходимыми для их приготовления и успешного использования. Их можно обнаружить в хозяйственных книгах – рукописных сборниках, включавших кулинарные, медицинские и косметические рецепты, а также советы на каждый день. К примеру, в книге рецептов леди Энн «Масло королевы» соседствует со снадобьем для прерывания беременности («красный порошок для выкидышей») и лекарством от легочного кашля. Этот жанр появился в XVI веке и просуществовал до XIX столетия, когда печатные руководства и доступность товаров промышленного производства в значительной степени вытеснили эту рукописную традицию. Чаще всего такие сборники составляли женщины: они передавали их по наследству родственницам, которые, в свою очередь, комментировали и дополняли содержание, в результате чего получался текст коллективного авторства. Например, на обороте оливковой сафьяновой обложки книги рецептов леди Энн есть надпись, сделанная рукой ее старшей дочери Кэтрин. Она гласит, что книга перешла к ней от матери в качестве подарка 23 марта 1678 года. На страницах сборника есть разные почерки, в том числе почерк Энн и Кэтрин, а также Джозефа Авери, по всей видимости, секретаря Энн.

Такой жанр рукописных рецептов существовал бок о бок с растущим числом печатных текстов. В отличие от сборников, составляемых для личного использования, авторами печатных изданий чаще всего были мужчины. Тем не менее между ними происходил активный обмен, и можно найти идентичные рецепты, циркулировавшие в печатных и рукописных формах. Например, рецепт снадобья, способствующего росту бороды, который появляется в сборнике «Сокровищница вдовы» (The widowes treasure), опубликованном в 1586 году, название которого отсылает к женским знаниям и практикам, также представлен в латинизированной форме в медицинском тексте, напечатанном три года спустя – предположительно,

для читателей-мужчин, возможно, профессиональных врачей⁶⁸. Одни и те же средства от выпадения и утончения волос, содержавшие золу корней иссопа, лягушек и козий помет, встречаются в течение гораздо более продолжительного временного интервала: как в справочнике по врачеванию 1582 года, так и в чрезвычайно популярной книге советов «Отрада благовоспитанной леди» (*The Accomplish'd lady's delight*), приписываемой авторству Ханны Вулли и выдержавшей множество переизданий с 1670-х годов вплоть до XVIII века⁶⁹. Чтобы пронаблюдать взаимовлияние печатных и рукописных текстов, мы можем обратиться к «Платяному шкафу королевы» (*The Queen's closet*, 1655), откуда, по-видимому, был позаимствован рецепт помады, записанный в хозяйственной книге семьи Бойлей – сборнике, составленном приблизительно с 1675 по 1710 год. Хотя в рукописной версии в качестве автора рецепта названа леди Шэннон – что показывает, как зачастую отмечался источник рецепта в качестве справочного материала на будущее и что рецепты нередко распространялись среди друзей и родственников, – наиболее вероятно, что леди Шэннон почерпнула рецептуру из печатного текста или что и она, и «Платяной шкаф королевы» опирались на некий более ранний источник. Чтобы приготовить качественную помаду, оба рецепта рекомендуют сначала убить щенка (в версии Бойлей/Шэннон оговаривается, что использовать нужно спаниеля) так, чтобы жир не пропитался кровью. В результате длительного процесса переработки и очистки получались тонкие белые плитки помады, которые могли храниться в течение двух-трех лет⁷⁰.

Возможно, наибольший интерес представляют трактовки одного рецепта в разных рукописных источниках, хотя неясно, был ли скопирован один текст с другого или же оба они заимствовали из третьего, неизвестного, печатного или рукописного источника. Примечателен рецепт средства для роста волос, записанный в анонимном сборнике середины XVII века, а затем в коллекции рецептов, приписываемой Элизабет Оуковер и относящейся к периоду ок. 1675–1725 годов. Обе версии сходятся в том, что основные ингредиенты – это свежий желтый воск и измельченный красный кирпич. В них даже имеется один и тот же текстовый пробел, где, по всей видимости, у переписчиков возникли проблемы с определенным словом, и оба заканчивают уверением, что это масло «творит чудеса» с теми, у кого выпадают волосы на голове или на подбородке⁷¹.

Повторение и обмен рецептами говорит об устойчивости практик в отношении ухода за волосами, как при изготовлении уходовых средств, так и в тех целях, которым они служили. Также они свидетельствуют о том, что одни и те же средства применялись женщинами в домашних условиях и отпускались врачами-мужчинами. Наконец, жанр рецептов указывает на то, что в данном контексте уход за волосами лежал вне культурной традиции, определявшей использование косметических средств как признак порочности. Вместо этого, опираясь на практику, ведущую начало из древнего мира, уход за волосами принадлежал более широкой сфере заботы о здоровье. Уход за поверхностью тела был правомерной и необходимой частью

⁶⁸ Partridge J. *The widowes treasure plentifully furnished with sundry precious and approoued secretes in phisicke and chirurgery for the health and pleasure of mankind*. London, 1586, sig. Dvr–v; Banister J. *An antidotarie chyrgurgicall containing great varietie and choice medicines*. London, 1589. Pp. 166–167.

⁶⁹ Levens P. *A right profitable booke for all diseases Called The pathway to health*. London, 1582. P. 2; Woolley H. *The Accomplish'd lady's delight*. London, 1675. P. 174.

⁷⁰ W.M. *The Queens closet opened incomparable secrets in phisic, chyrgurgery, preserving, and candying &c*. London, 1655. Pp. 212–214; Библиотека Веллкома, Лондон. Архив рукописей: Boyle Family, MS.1340/digitized image 154. Необходимо принять во внимание, что это могла быть помада как для волос, так и для лица; в рецепте это не уточняется.

⁷¹ Библиотека Веллкома, Лондон. Архив рукописей: English Recipe Book, MS.7391/digitized image 5; Elizabeth Okeover (and others), MS.3712/ digitized image 17. Также идентичными являются следующие два рецепта средств для роста волос: MS.7391/ digitized image 67 и MS.3712/digitized image 105. Согласно статье Ричарда Аспина (Aspin R. *Who Was Elizabeth Okeover?* // *Medical History*. 2000. Vol. 44. Pp. 531–540), рецепт под номером MS.7391 входил в более позднюю коллекцию, которая носит имя Элизабет Оуковер. Однако это не объясняет пропуски в этих двух конкретных рецептах. Проблемным словом является «ге»: по-видимому, это сокращение от «retort», реторта – стеклянный сосуд, используемый для перегонки.

терапии⁷². Снадобья для волос не были особенно сложными в приготовлении⁷³, хотя часто требовали больших трудозатрат и отнимали много времени, особенно когда дело доходило до превращения неаппетитных ингредиентов – ящериц и мух из рецепта масла для волос Энн Фэншоу или жира спаниеля из рецепта помады леди Шэннон – в готовую косметику. Помимо жиров, масел и неожиданных (для нас с вами) ингредиентов, таких как измельченные пчелы или экскременты животных, в рецептах чаще всего использовались лечебные травы и другие растения, а также ароматизирующие вещества, такие как розовая вода и смолы.

⁷² См.: Smith V. Clean: A History of Personal Hygiene and Purity. Oxford: Oxford University Press, 2007. Pp. 51–53.

⁷³ Комментарий в личной беседе с Хилари Дэвидсон.

Ил. 1.3. Рекламное объявление XIX века, посвященное макассаровому маслу. Оно было настолько характерной приметой времен королевы Виктории, что его упоминает как Байрон в поэме «Дон Жуан» (1819–1824; песнь 1, стих 17), так и Льюис Кэрролл в сказке «Алиса

в Зазеркалье» (1871; в песне Белого Рыцаря «Глаза Хэддокса»). Рекламное изображение несет в себе колониальные коннотации, играя на привлекательности экзотического

К концу XVII века средства для ухода за волосами уже можно было купить в готовом виде. Ранний пример таких продуктов дошел до нас благодаря анонимной и предприимчивой женщине, подавшей рекламное объявление в газету Athenian Gazette в мае 1693 года. Женщина утверждала, что у нее в продаже имелась вода, которая окрашивала волосы в приятный коричневый или черный цвет и при этом не вымывалась ни вместе с потом, ни во время мытья⁷⁴. Ко второй половине XVIII века средства для ухода за волосами продавались во все больших объемах. Прежде всего, это были помады и пудры, которые в то время являлись общепринятыми продуктами для питания, укладки и очищения волос⁷⁵. Наконец, в Викторианскую эпоху культурная значимость волос на голове и лице предопределила повсеместное появление рекламы средств для ухода за ними, и такие продукты, как бриллиантин и макасаровое масло, становились притчей во языцех (ил. 1.3).

Ил. 1.4. Этикетки с банок с медвежьим жиром. XIX век. Этот продукт для ухода за волосами пользовался устойчивым спросом с XVI и до конца XIX века

Большая часть этих ранних готовых средств для ухода за волосами по качеству не отличалась от тех, что готовили в домашних условиях. Судя по сборникам производственных формул XVIII века⁷⁶ и руководствам по фармацевтике XIX – начала XX века, такие средства готовились на основе все той же традиции домашних рецептов, но производились оптом и упаковывались для продажи. Покупая их в готовом виде, потребители просто экономили время

⁷⁴ Athenian Gazette or Casuistical Mercury. 1693. May 16.

⁷⁵ Подробнее о пудре для волос см. главу 5 этого издания. Также см.: Vincent S. The Anatomy of Fashion: Dressing the Body from the Renaissance to Today. Oxford: Berg, 2003. Pp. 15–17, 31–33.

⁷⁶ См.: Corbyn & Co., chemists and druggists, London, Manufacturing recipe books, 1748–1851: London, Wellcome Library, MS 5446–5450.

и собственный труд. Одни и те же ключевые ингредиенты повторяются из рецепта в рецепт, демонстрируя исключительную живучесть. Среди них был медвежий жир, который ценили за его способность питать и восстанавливать волосы. Медвежий жир время от времени встречается как в рукописных, так и в печатных рецептах средств для роста волос XVI и XVII веков, и к XVIII веку, вероятно в результате увеличения доступности, он входил в состав наиболее востребованных из всех производившихся помад, а также продавался в чистом виде в небольших керамических горшочках, крышки которых украшали изображения медведей (ил. 1.4). Рекламное объявление 1770 года гласит: «Активные, летучие и проникающие свойства, которыми обладает эта субстанция по сравнению с жиром других животных, придают ей то особое и эффективное качество усиления, укрепления и защиты волос»⁷⁷. В конце XVIII столетия парикмахер Александр Росс посвятил целый трактат дальнейшему объяснению достоинств этого чудо-продукта, и в течение XIX века популярность медвежьего жира не ослабевала. В «Аптекарской книге рецептов общего характера» (The Druggist's General Receipt Book) 1850 года – профессиональном справочнике, предназначенном для все возраставшей братии аптекарей и фармацевтов, которые стремительно перестраивали здравоохранение Викторианской эпохи, – этот ингредиент фигурировал в рецептах питательных помад и в качестве препарата для лечения облысения⁷⁸. Хотя ближе к концу века другие продукты потеснили медвежий жир с господствующих позиций, на закате Викторианской эпохи джентльмены старой закалки все еще могли раздобыть его по цене около одного шиллинга⁷⁹. Похожая картина наблюдается с кантаридами, или «шпанскими мушками», присутствовавшими в разнообразных рецептах: от средств для восстановления роста волос XVI века до тонирующих лосьонов XX века. Точно так же аурипигмент, соединение, которое могло вызвать отравление мышьяком при нанесении на поврежденную кожу, использовался в качестве средства для депиляции по крайней мере с XVI века примерно до 1930 года⁸⁰.

Поначалу средства по уходу за волосами можно было приобрести у частных продавцов, таких как женщина, рекламировавшая свою краску для волос в *Athenian Gazette* в 1693 году. В течение XVIII века все чаще такие продукты поставляли дамские парикмахеры, цирюльники, постижеры и парфюмеры – представители четырех частично пересекающихся профессий, занявших доминирующие позиции в сфере ухода за волосами. Аптекари и фармацевты тоже могли составлять собственные препараты или изготавливали снадобья по рецептам, которые им приносили клиенты. Однако по мере роста значимости викторианской аптечной индустрии возрастала и ее доля на рынке препаратов для волос – как раз в то время, когда волосы попали в ведение системы здравоохранения. Действительно, значительное количество транснациональных компаний, которые доминируют на современном рынке, были основаны в тот период. Корпорация Procter & Gamble, гигант в области гигиены и заботы о здоровье, производящий большое количество средств для волос с наших полок, появилась в Соединенных Штатах Америки в 1837 году в результате сотрудничества производителя мыла Джеймса Гэмбла с Уильямом Проктором, изготовителем свечей. Unilever, еще один огромный концерн, возник в Англии около пятидесяти лет спустя, его основатель Уильям Хескет Левер также продавал мыло. Относительно поздно на рынок вышли Schwarzkopf и L'Oréal: в 1903 и 1907 годах

⁷⁷ Библиотека Веллкома, Лондон. *Med. Ephemera EPH160B, Hair care ephemera, Box 9, Bear's Grease* (Thomas Cross, Holborn, 1770).

⁷⁸ Ross A. *A treatise on bear's grease*. London, 1795; Beasley H. *The Druggist's General Receipt Book*. London: John Churchill, 1850. Pp. 212–225.

⁷⁹ *The Star Patent Medicine Stores*. Oxford, [c. 1890]. P. 11. Бодлианская библиотека, Оксфорд: John Johnson Collection of Printed Ephemera, Patent Medicines 14 (62) // The John Johnson Collection: An Archive of Printed Ephemera.

⁸⁰ Предупреждения о необходимости соблюдать осторожность появляются в ряде переизданий справочника для фармацевтов *Pharmaceutical Formulas*, публиковавшихся в Лондоне каждые несколько лет с 1898 года (девятое дополненное издание было перепечатано в 1919 году). И только в 10-м издании 1934 года говорится о том, что аурипигмент больше не применяется в связи с его токсичностью (с. 9).

соответственно. Первая компания была основана немецким фармацевтом Гансом Шварцкопфом, который создал порошковый шампунь; а вторая возникла в связи с разработкой безопасной синтетической краски для волос французским химиком Эженом Шуллером, работавшим в собственной домашней лаборатории⁸¹.

Давайте все же ненадолго вернемся к Энн Фэншоу и тому, какого эффекта она надеялась достичь при помощи своего рецепта «Масла королевы». По ее словам, его назначение – «заставить волосы расти», а как же обстоит дело с другими рецептами и продуктами? Чего хотели добиться с их помощью те, кто тратил время и ресурсы на приготовление или деньги на покупку подобных средств? Что могут эти снадобья рассказать нам о представлениях о «проблемных» волосах и о внешности, которая считалась в то время идеалом? Для начала, Леди Фэншоу была далеко не одинока в своем желании ускорить и улучшить рост волос: вероятно, большинство рецептов направлены на достижение именно этого эффекта для волос как на лице, так и на голове. К ним также относятся препараты для предотвращения или восполнения потери волос, состояния, обычно известного как облысение или алопеция.

Проблемой был как недостаток волос, так и их избыток, и существует множество рецептов и средств для депиляции, предназначенных для удаления нежелательных волос, растущих не там, где нужно. Хотя мы можем с полным основанием сомневаться в эффективности средств для восстановления волос, эффективность по крайней мере некоторых депиляторов, в состав которых часто входили негашеная известь и аурипигмент по отдельности или в сочетании, сомнению не подлежит. В одном из руководств с рецептами 1660 года, в котором даются инструкции по нанесению мази, состоящей из мышьяка и извести в равных пропорциях, содержится потрясающая в своей сдержанности приписка: «и проследите, чтобы она не жгла»⁸². В других текстах предлагалось предпринять облегчающие боль меры: «Что же до применения вышеупомянутых лекарств, вам следует немного распарить место теплой водой перед тем, как вы их нанесете; через четверть часа после смойте горячей водой, и когда волосы сойдут, смажьте место каким-нибудь охлаждающим маслом»⁸³.

Среди всех рецептов средства для ращения и удаления волос составляют большинство препаратов, во всяком случае, в жанре рукописных рецептов. Также среди них есть небольшое количество растворов, служащих для завивки волос. Они применялись либо сами по себе, либо использовались в качестве фиксатора в сочетании с механическими методами завивки волос. Рукописный сборник рецептов, принадлежавший Бриджет Хайд, содержит пример снадобий первого типа: препарат из росного ладана, стиракса, вина и росы, который нужно нанести на волосы губкой, – а в хозяйственной книге семьи Бойлей есть очень похожий рецепт с инструкцией «намочить волосы, когда вы их завиваете»⁸⁴. Механические (в противовес химическим) способы завивки включали использование щипцов, известных еще со времен Античности⁸⁵. Так, например, Томас Джемсон в своем руководстве по уходу за собой «Искусственные прикрасы» (*Artificiall embellishments*) отмечал: «Некоторые заставляют свои волосы виться, накручивая их на ночь на горячую курительную трубку или на железо»⁸⁶. Накручивание волос на кусочки бумаги или лоскуты ветоши совершенно точно практиковалось с XVIII века, а скорее всего намного раньше. Этим методом, по-видимому, не гнушался лорд Байрон (1788–1824), которого, как утверждают, во времена его студенчества в Кембридже однажды утром друг

⁸¹ Jones G. Blonde and Blue-eyed? Globalizing Beauty, c. 1945 – c. 1980 // *Economic History Review*. 2008. Vol. 61. P. 128; EH. Pp. 253, 349, 382.

⁸² Wrecker J.J. *Cosmeticks, or, the beautifying part of physic*. London, 1660. P. 74.

⁸³ Jeamson T. *Artificiall embellishments, or Arts best directions how to preserve beauty or procure it*. Oxford, 1665. P. 108.

⁸⁴ Библиотека Веллкома, Лондон. Архив рукописей: Bridget Hyde (–1733), MS.2990/digitized image 20; Boyle Family, MS.1340/digitized image 109.

⁸⁵ Stevens Cox, s.v. «curling irons» and variations; EH. Pp. 335, 366.

⁸⁶ Jeamson. *Artificiall embellishments*. P. 110.

застиг с волосами en papillote, то есть в бумажках. Его друг, Скруп Дэвис, сказал: «Я был убежден, что ваши волосы выются от рождения». «Да, – небрежно отвечал Байрон, – от рождения, каждую ночь»⁸⁷.

Хотя, несомненно, локоны считались привлекательными и модными в разные периоды, как объяснить относительно небольшое количество рецептов для их завивки? Отчасти кажется вероятным, что наличие других, возможно, более эффективных методов означало, что до изобретения «перманента» в XX веке доля химических средств для завивки была относительно невелика в числе прочих препаратов для ухода за волосами⁸⁸. Другим фактором, вполне возможно, является то, что завивка волос была практикой, менее всего связанной со здоровьем и имела более очевидное отношение к необязательной косметике. Таким образом, искусственная завивка, вытесненная из сферы медицины в сферу моды, могла толковаться как суетная и тщеславная практика.

Помимо растворов для завивки, средств для восстановления и составов для удаления волос в печатных сборниках рецептов можно найти немало средств для окрашивания волос, и такие краски, как правило, можно было найти в продаже: как мы помним, объявление в Athenian Gazette 1693 года служило рекламой воды, которая гарантированно окрашивала волосы в приятный коричневый или черный цвет. Как и составы для депиляции, эти средства также могли быть опасными в использовании, и в некоторых рецептах особо отмечалось, что при обращении с ними необходимо соблюдать осторожность и следить, чтобы они не попали на кожу. Согласно мнению парикмахера XVIII века Дэвида Ричи, такие вещества не только портили волосы, делая их сухими и ломкими, но, проникая через поры, наносили вред мозгу. Уильям Мур, парикмахер из города Бат, работавший примерно в то же время, также свидетельствовал о токсичном воздействии таких продуктов, ссылаясь на опыт одной из своих клиенток. Вопреки его совету, дама приобрела и применила определенный вид краски для волос: ее виски покрылись волдырями, то же произошло и с пальцами, волосы крошились от прикосновений, и на протяжении двух месяцев она испытывала недомогание⁸⁹. Хотя некоторые краски состояли из безвредных ингредиентов: меда, фиговых листьев и кожуры зеленых грецких орехов, – нередко в состав входил свинец, «крепкая водка» и купоросное масло: два последних соединения известны нам как азотная и серная кислоты. Поэтому неудивительно, что многие производители красок и составов для депиляции заверяли своих потенциальных покупателей в безопасности продукта и что империя L'Oréal была построена на основе безвредного синтетического красителя для волос. Несмотря на это, в 1931 году Гилберт Фоан посчитал необходимым включить в свой учебник «Парикмахерское искусство и мастерство» раздел под названием «Отравление красками для волос», в котором рассказывал о токсичности определенных красителей, правовой позиции парикмахеров и целесообразности профессионального страхования. Также он рекомендовал использовать кожные аппликационные пробы, чтобы проверять индивидуальную чувствительность к химическим веществам⁹⁰. Хотя в наши дни аппликационные пробы являются юридическим требованием, химические соединения парафенилендиамина (PPD), о которых предупреждал Фоан, все еще используются и вызывают сильные аллергические реакции у небольшой, но растущей доли населения. В некоторых случаях, как для тех, кто использовал их в домашних условиях, так и для клиентов салонов, отравление красителями имело смертельный исход⁹¹.

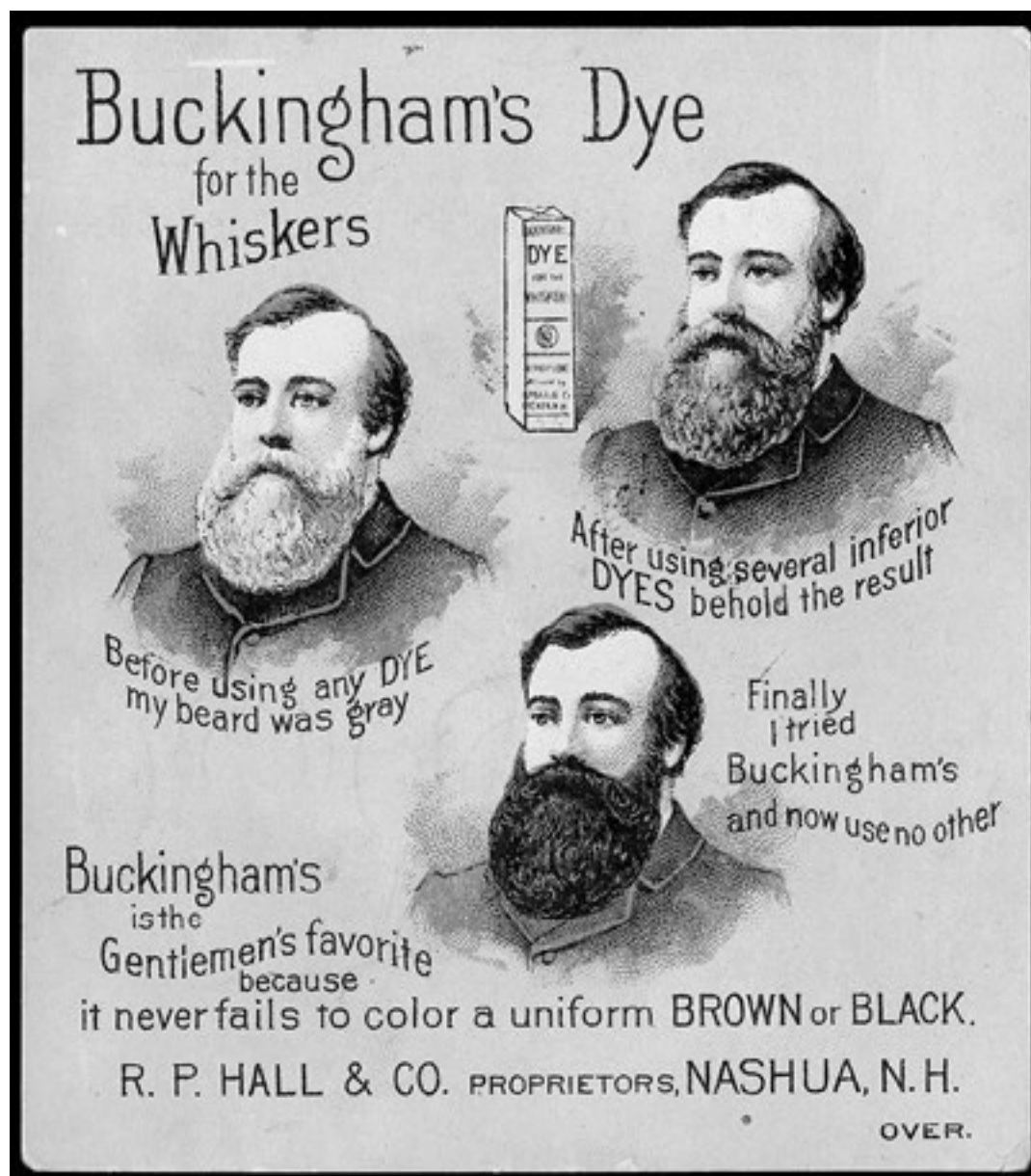
⁸⁷ Gronow R.H. Captain Gronow's Recollections and Anecdotes of the Camp, the Court, and the Clubs, At the Close of the last War with France. London: Smith, Elder and Co., 1864. Pp. 151–152.

⁸⁸ О перманентной завивке см.: ЕН. Pp. 303–305.

⁸⁹ Ritchie D. A Treatise on the Hair. London, 1770. Pp. 26–27; Moore W. The art of hair-dressing. Bath, [1780]. Pp. 18–19.

⁹⁰ Foan. Pp. 295–296.

⁹¹ Hughes S. Could Your Hair Dye Kill You // The Guardian. 2011. November 28. www.theguardian.com/lifeandstyle/2011/nov/28/could-hair-dye-kill-you (по состоянию на 31 января 2017).

Ил. 1.5. Реклама «Букингемской краски». Ок. 1870–1900

Есть еще три заслуживающих упоминания факта о красках для волос, существовавших как в форме рецепта, так и в готовом виде: во-первых, их потенциальными пользователями были как женщины, так и мужчины; во-вторых, окрашиванию могли подвергаться волосы как на голове, так и на лице; и в-третьих, они свидетельствуют о стойком общественном неприятии седых и рыжих волос (о чем уже упоминалось во введении). Как говорилось в книге советов по медицине 1664 года: «Иные старцы желают иметь черные или темные волосы и казаться молодыми. И молодые люди, если у них есть седые волосы на голове или бороде, как это часто можно увидеть, желают сделать их неотличимыми от остальных или же рыжие волосы – черными». Далее в тексте предлагаются различные рецепты и методы окрашивания волос, но автор также предостерегает об опасностях домашнего окрашивания:

При чернении волос вы должны помнить, что эти снадобья необходимо заказывать так, чтобы они окрашивали в совершенно черный, иначе с теми, кто их использует, случится то, что произошло со стариком, который не так давно,

взяв в жены молодую девицу, пожелал сделать свои седые волосы черными, чтобы порадовать супругу умудренной опытом юностью: его волосы, борода и брови стали зелеными, к превеликому веселью окружающих⁹².

Рекламная продукция XIX века, помогавшая продавать все большее число товаров растущему количеству покупателей, также свидетельствует о том, что забота о цвете волос считалась как женским, так и мужским делом (ил. 1.5). Личные свидетельства также подтверждают тот факт, что волосы красили по крайней мере некоторые мужчины. Среди них был князь Пюклер-Мускау (1785–1871), обедневший немецкий аристократ, желавший поправить свое материальное положение с помощью выгодного второго брака. Для этой цели он с 1826 года несколько лет прожил в Англии в поисках богатой жены, что, естественно, потребовало от него выглядеть привлекательно и солидно. В одном из своих писем он описывает, что ему пришлось для этого предпринять:

Процедура окрашивания моих волос имела до того плачевный результат – черт знает почему – что сегодня вечером мне пришлось начать все с начала <...> Но не все черту праздник, и если хлопоты и заботы раньше времени заставили мои волосы побелеть, искусство должно снова сделать их черными, и таким образом хлопоты обернутся радостью⁹³.

На тот момент Пюклеру-Мускау был сорок один год, и на портрете, написанном в 1837 году, когда ему было немного за пятьдесят, он по-прежнему изображен с черными волосами и усами под стать (ил. 1.6).

⁹² Platter F. Platerus golden practice of physick fully and plainly discovering. London, 1664. Pp. 539, 540.

⁹³ Pückler's Progress: The Adventures of Prince Pückler-Muskau in England, Wales and Ireland as Told in Letters to his Former Wife, 1826–9 / Transl. Flora Brennan. London: Collins, 1987. P. 177.

Ил. 1.6. Портрет князя Пюклера-Мускау. Шаткое финансовое положение вынудило его и его жену разработать план, в соответствии с которым они развелись, чтобы дать ему возможность приехать в Англию в поисках богатой супруги, чье состояние он намеревался вложить в свои владения, поддерживая при этом первую жену. В конце концов план потерпел неудачу, но опубликованные князем письма, в которых он описывал свои путешествия, стали бестселлером и поправили его положение

Приведенный выше обзор рецептов и ранних товаров демонстрирует, что то, *как* осуществлялся уход за волосами, может казаться нам чуждым, но то, *зачем* все это делалось, по-видимому, почти не изменилось. Если вспомнить рецепт «Масла королевы» леди Фэншоу, маринование четырех живых ящериц и горсти мух в банке с оливковым маслом обнаруживает непреодолимую пропасть в наших повседневных практиках. Однако, обратив внимание на то, чего леди Энн хотела добиться с помощью этого состава – в данном случае роста волос, – мы увидим, что сквозь века прослеживаются одни и те же проблемы и стремления людей. Тогда, как и сейчас, люди хотели, чтобы их волосы были густыми и пышными; они пытались вылечить выпадение волос и облысение; они укладывали их, изменяли их цвет и удаляли их в нежелательных местах. Эта неизменность желаемого результата простирается от традиции коллекций рукописных рецептов до эры ранних промышленных товаров и по сей день продолжает управлять мировым рынком средств для ухода за волосами.

Инструменты для ухода за волосами проявляют сходное постоянство: фактически, многие из них ведут свою историю от Античности. Основным предметом, и, возможно, самым древним, была расческа. Деревянная (как правило, из самшитовой древесины – тонкослойной, устойчивой к воздействию воды), из рога, кости или из лучших образцов слоновой кости или черепашьего панциря, расческа была многоцелевым инструментом, который использо-

вали для чистки, ухода и укладки⁹⁴. Знаменитый портрет леди Элизабет Вернон дает нам редкую возможность составить представление о том, как расческа использовалась за туалетным столиком четыреста лет назад: обратите внимание, что на ее расческе есть надпись: «*menez moi doucement*», что означает «обращайтесь со мной осторожно» (ил. 1.7). Диалоги, написанные примерно в то же время – эпоху короля Якова I, дают иное преломление повседневной практики причесывания. Сначала даме протирают голову льняной тканью, чтобы очистить волосы, затем ей на плечи накидывают покрывало для расчесывания, чтобы не запачкать одежду – точно так же как сегодня используют парикмахерские пеньюары, – и, наконец, ее расчесывают. Чтение диалога между дамой и ее служанкой рождает ощущение подслушивания:

Прошу тебя, Джоли, хорошенько потри мою голову, на ней так много перхоти. Разве мои расчески не в шкатулке? Где мой гребень из слоновой кости? Расчеши меня самшитовой расческой: сначала подай мне мою накидку для причесывания, иначе ты всю меня засыплешь волосками, волоски упадут мне на платье. Чеши назад. О, боже! Ты слишком грубо чешешь, ты меня оцарапаешь, ты выдираешь мне волосы! Вначале распутай их осторожно руками, а потом уж берись за расческу⁹⁵.

⁹⁴ Durbin G. *Wig, Hairdressing and Shaving Bygones*. Oxford: Shire, 1984. P. 12; White C.L. *American Artifacts of Personal Adornment 1680–1820: A Guide to Identification and Interpretation*. Lanham, MD: Altamira Press, 2005. Pp. 104–110. Также см.: EH, s.v. «comb».

⁹⁵ Erondell P. *The French garden: for English ladyes and gentlewomen to walke in*. London, 1605. sig. E1v.

Ил. 1.7. Элизабет Вернон, графиня Саутгемптонская. Ок. 1600. Леди Элизабет в дезаби-лье (домашнем платье) расчесывает волосы гребнем из слоновой кости

Ножницы, бритвы, щипцы для завивки, пинцеты, булавки и зеркало – вот полный список самых распространенных инструментов для ухода за головой и волосами. За исключением щипцов для завивки, все они были доступны даже для бедноты, и большинство сельских жителей приобретали их у странствующих торговцев или на местном рынке или ярмарке. Перечни товаров этих продавцов позволяют узнать больше об их типичном ассортименте. Ричард Риддингс из городка Бери в Ланкашире, товарная опись которого была составлена в 1680 году, имел в наличии двадцать четыре роговых гребня, ценой семнадцать пенсов за дюжину, двенадцать расчесок из белой кости по восемь пенсов за дюжину, и самый ценный товар в списке – десять расчесок из слоновой кости по два пенса за каждую. Кроме того, при нем были двенадцать чехлов для расчесок (их обычно шили из ткани, как и футляры для украшений) и три пары ножниц. Точно так же в 1642 году Уильям Маккеррелл из Ньюкасла продавал пинцеты, ножницы, расчески, чехлы для расчесок и щетки для бороды, а в 1730 году в Норфолке Джон Макки торговал в разнос расческами, зеркалами и приборами для бритья (предположительно, речь шла о бритвах)⁹⁶. В крупных городах такие товары поставляли галантерейщики, а начиная с XVIII века их все чаще можно было приобрести у специалистов, связанных с уходом за волосами: парикмахеров, цирюльников, изготовителей париков и парфюмеров. Эти инструменты очень мало менялись с течением времени, и только с появлением механизированного производства в Викторианскую эпоху и пластмасс в конце 1860-х годов их доступность и цена существенно изменились⁹⁷.

⁹⁶ Spufford M. *The Great Recloning of Rural England: Petty Chapmen and their Wares in the Seventeenth Century*. London: Hambledon Press, 1984. Pp. 94–95, 153, 188–189, 204–205.

⁹⁷ Durbin, *Wig, Hairdressing and Shaving*. P. 27. О целлулоидных маникюрных наборах: Beaujot A. *Victorian Fashion Accessories*. London: Berg, 2012. Pp. 139–177.

BRYLCREEM
grooms by surface tension

Any liquid always strives to reduce its surface area when in contact with air . . . this is known as **Surface Tension**—and it is the basis on which Brylcreem works. A thin film of Brylcreem oil, together with a bland aqueous solution, coats every hair-strand and the surface tension holds the hairs together firmly but gently. Every hair is supple; every hair is lustrous. Avoid that greasy, over-oily look. Use Brylcreem, the healthy hairdressing, for the clean, smart look.

for smart, healthy hair

LET YOUR SCALP BREATHE . . . ENCOURAGE YOUR HAIR TO LIVE

In keeping your hair and scalp healthy, Brylcreem's surface film of oil acts as a filter, which prevents micro-organisms from reaching down into the scalp. Massage with Brylcreem also frees the mouths of the follicles along which the hair grows, thus facilitating the normal flow of sebum, the scalp's natural oil. As a result, the hair is kept free from dandruff and dryness and the scalp has a chance to breathe—vitaly important to the growth of strong, healthy hair. Ask for Brylcreem, the healthy hairdressing, in tubs 1 & 2 1/2 and 4 1/2, or handy tubes 2 & 4.

Ил. 1.8. Реклама бриолина. 1954. Мужчина наносит продукт с помощью пары мужских щеток для волос

Однако было еще одно важное изменение. Хотя щетки для одежды, щетки для бороды и щетки для чистки расчесок использовались и ранее, щетка для волос была предметом, который стал обычным явлением только в конце XVIII века. В Викторианскую эпоху она превратилась в ключевой инструмент в арсенале гигиены и ухода за собой. Мужчины и женщины должны были ежедневно расчесывать волосы щеткой, чтобы очистить и простимулировать кожу головы и придать волосам блеск. И хотя исправное расчесывание щеткой предписывалось обоим полам, эта практика была гендерно-дифференцированной. В случае мужчин рас-

чесывание волос создавало ощущение свежей опрятности. Сами щетки, как правило, не имели ручек, и это делало их настолько маскулинными, что их стали называть армейскими щетками для волос. Они продавались парами, и их можно было использовать вместе, расчесывая волосы по обе стороны от пробора (ил. 1.8). Женщины, напротив, в рекламной продукции изображались с пышной копной длинных, как у сказочной Рапунцель, локонов и щеткой на длинной ручке – визуальная квинтэссенция идеализированной викторианской женственности (ил. 1.9). В этом контексте расчесывание волос щеткой символизировало удовольствие от контролируемой распушенности: щетка, каждый вечер ритмично устанавливающая порядок в хаотичном изобилии с помощью хрестоматийных «ста движений щетки» – полуэротизированное и в то же время дисциплинирующее занятие⁹⁸.

⁹⁸ См.: Ofek G. *Representations of Hair in Victorian Literature and Culture*. Farnham: Ashgate, 2009, esp. pp. 34–35, 40–41.

“Mama, shall I have beautiful long hair like you when I grow up?”
“Certainly, my dear, if you use **‘Edwards’ Harlene’**.”

Ил. 1.9. Реклама щетки Edwards' Harlene. Ок. 1890. «Мама, у меня будут такие же длинные волосы, когда я вырасту?» – спрашивает девочка. Она усваивает урок женственности, наблюдая, как ее мать обращается с расческой

Викторианцы были так воодушевлены пользой расчесывания щеткой, что объединили его с другой захватывающей технологией – электричеством. В 1880-х годах Pall Mall Electric Association выпустили электрическую щетку для волос доктора Скотта. В рекламном объявлении, переполненном одобрительными отзывами, утверждается, что она не только предотвращает истончение волос, устраняет перхоть, останавливает процесс поседения и делает волосы длинными и блестящими, но также успокаивает мозг и в течение пяти минут излечивает невралгию и головные боли (ил. 1.10). Воистину это были смелые заявления, учитывая, что в самой щетке не было ничего электрического, за исключением названия (правда, в ручку были вставлены намагниченные железные прутья). Нисколько не смущаясь этим фактом, компания также производила электрическую расческу. Подлинным изобретением стала вращающаяся щетка, впервые запатентованная в 1862 году: цирюльники и парикмахеры применяли ее в качестве современной лечебной методики. На щетку, имевшую форму скалки, при помощи приводного ремня передавалось движение вращающегося вала, подвешенного к потолку. Оператор держался за ручки с обеих сторон и прикладывал устройство к волосам клиента (ил. 1.11). Первоначально это было механическое изобретение, приводимое в действие различными способами, электрификация началась с 1904 года; устройство было широко распространено вплоть до окончания Первой мировой войны⁹⁹.

⁹⁹ Durbin, Wig, Hairdressing and Shaving. P. 27.

DR. SCOTT'S ELECTRIC HAIR BRUSH

Fac-Simile of Brush. Made of Pure Bristles, NOT WIRES—elegantly carved and UNBREAKABLE.

An Honest Remedy. Recommended by the best Physicians.—See Reports.

Dr. SCOTT'S ELECTRIC HAIR BRUSH IS WARRANTED TO CURE
NERVOUS HEADACHE
BILIOUS HEADACHE
NEURALGIA
IN 5 MINUTES!
PREVENT FALLING HAIR AND BALDNESS: CURE
DANDRUFF AND DISEASES OF THE SCALP:
PROMPTLY ARREST PREMATURE GREYNESS:
MAKE THE HAIR GROW LONG AND GLOSSY:
IMMEDIATELY SOOTHE THE WEARY BRAIN

Price 12s. 6d. Post-free.
 FROM THE PROPRIETORS
Pall Mall Electric Association, Limited,
21, HOLBORN VIADUCT, LONDON.
PARIS 32bis Bd. HAUSMANN.

The Proprietors advance no claims on behalf of Dr. SCOTT'S ELECTRIC HAIR BRUSH that are not amply supported by the indisputable testimony of the thousands who have benefited by its use; its fame is as widespread as is the knowledge of the English tongue, and, to paraphrase a familiar boast, the sun never sets on the land where the virtues of this famous Brush are not known and appreciated.

From the slopes of the Himalayas, and from the borders of the trackless Andiparian hills, from the far distant shores of the Pacific, and from the most remote regions of the mystic "Dark Continent" such comes the chorus of approval from all creeds and climes. There is but one opinion universally expressed, and that is, that

Dr. SCOTT'S ELECTRIC HAIR BRUSH is an honest remedy and is well worth the price that is asked for it.

For obstinate or long-standing cases, it is occasionally advisable to employ greater power than is contained in the Brush itself. In these cases, a larger and more powerful Brush is made, price 21s. Illustrated on this Circular. To meet

"Once, I told you that my wife derived great benefit from her Hair Brush. Since then I went in for a pair, and fully endorse my wife's opinion. For BILIOUS HEADACHE, Besides my other ailments, she suffered for years from NERVOUS HEADACHE, and laughed at me when I told her a brush would cure her. As I did not like being laughed at, I bought and made a present of a Brush to her (rather like yourself, she was on a visit at the time. Three weeks after when leaving, she admitted that since she had used the Brush she had not known what it was to have a headache. The ELECTRIC BRUSHES are a capital invention FOR NERVOUS OR BILIOUS HEADACHES; and as a REFRIGERANT after a LONG RAILWAY JOURNEY THERE IS NOTHING TO EQUAL THEM."—Captain A. J. HOLBOURN, R.A., Ormside, Lowestoft, Cornwall.

From Major PENROSE DUNBAR, of Northfield, (writes the Rev.), new Partner Messrs. G. Powell & Co., 20, Moorgate Street, London, E.C., February 19th, 1883. "GENTLEMEN,—I bought a pair of your Dr. SCOTT'S ELECTRIC HAIR BRUSHES a little time ago, and have very great pleasure in testifying to their many good qualities. In cases of headache, languor, or over-taxation of the brain, they are most invaluable. My family one and all invariably use them, and derive great benefit from them. One and all try to Dr. Scott's Electric Hair Brush as an universal panacea for all their aches and pains. I have also your Electric Flesh Brush, and I will never more without it. In cases of pain in the limbs, cramp, neuralgia, pain in the side, or spasm round the heart, I can most conscientiously recommend it as a sure and certain remedy, as also for neuralgic affections. The Electric Tooth Brush I also have, and I believe it keeps away toothache most effectually. I write you these few lines, which you may make any use of you like, as I feel deeply grateful to Dr. Scott for his most wonderful and invaluable invention. I have the pleasure to subscribe myself, Gentlemen, your faithfully, PENROSE DUNBAR."

From Rev. R. ANTRIM, Vicar of Slapton, King's Ridge, South Devon, Feb. 10th, 1883.—"Your Dr. Scott's Electric Hair Brush is quite a treasure; it has not only cured frequent Nervous Headaches, but what I had no expectation of, has, at my advanced age, 78, given me a New Head of Hair of the natural colour! Many thanks to you for it."

A BEAUTIFUL BRUSH, Lasting for Years.

Gentle-women Ye who desire glossy, luxuriant and beautiful Hair must use Dr. SCOTT'S ELECTRIC HAIR BRUSH. This elegant Brush always makes the Hair grow freely and fast, keeps it from falling out, arrests premature greyness, removes dandruff and itching, makes the Hair strong and beautiful. Healthy Hair is the sure result of using Dr. SCOTT'S ELECTRIC HAIR BRUSH. It gives life and Vigour to the Hair, supplying and feeding its roots with new vitality, and actually restoring it by the process of nature.

Dr. SCOTT'S ELECTRIC HAIR BRUSH will be forwarded POST PAID, on receipt of 12s. 6d., which will be REFUNDED if not as represented. THE PALL MALL ELECTRIC ASSOCIATION guarantee safe delivery into the hands of the purchaser. Your nearest Druggist or Hairdresser can obtain one for you, but be sure Dr. Scott's name is on the Box. MONEY REFUNDED IF NOT AS REPRESENTED. As soon as you receive the Brush, if not well satisfied with your bargain, write us, and we will return the money. What can be better? Resolutions should be made payable to G. R. HAINES, Pall Mall Electric Association, Limited, 21, HOLBORN VIADUCT, LONDON, E.C., and Cheques to be crossed London and County Bank.

CAUTION.—Beware of cheap imitations of the Electric Brush. An Wire Brushes injure the scalp, and PROMOTE BALDNESS. Remember that Dr. Scott's is the only ELECTRIC BRUSH in the world, MADE OF PURE BLACK BRISTLES. We caution the public to be careful that Dr. Scott's name is on the box, and ELECTRIC on the Brush. All others are FRAUDULENT IMITATIONS, utterly worthless, and are paid on the market to impose upon the public. They are done at any price!

NOTE—FAC-SIMILE OF ABOVE BRUSH.

SOLD BY ALL CHEMISTS AND PERFUMERS, AND OF THE PROPRIETORS, PALL MALL ELECTRIC ASSOCIATION, LIMITED, 21, HOLBORN VIADUCT, LONDON, E.C.

Send for Circular of "ANTI-MAL DE MER," the preventive of Sea Sickness.

Ил. 1.10. Реклама вовсе не электрической «Электрической щетки Доктора Скотта». 1880-

e

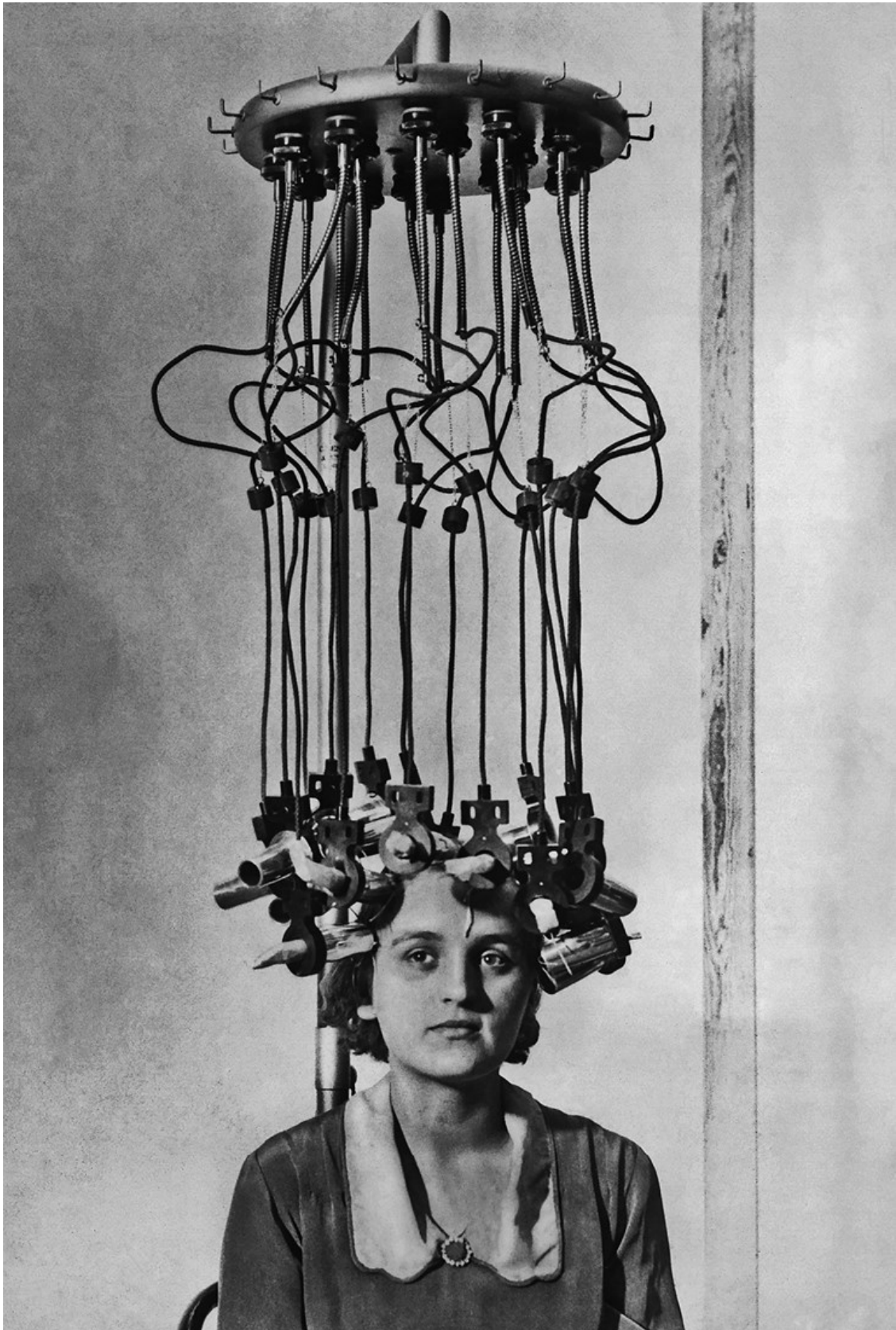
Ил. 1.11. Дж. Марш, парикмахер и парфюмер, визитная карточка. XIX век. Все четыре парикмахера на иллюстрации обслуживают своих клиентов с помощью вращающихся щеток, причем механизм явно опускается с потолка. Надпись внизу гласит: «Аппаратное расчесывание волос»

Электричество стало частью повседневного ухода за волосами и в других проявлениях. Примерно с 1880-х годов для удаления волос стали использовать электролиз, однако его применяли врачи в условиях больниц, а не парикмахеры в салонах или на дому¹⁰⁰. Первые устройства для создания перманентной завивки стали появляться в начале 1900-х годов. Многие годы они были чрезвычайно громоздкими и требовали значительных затрат времени: на клиенте закрепляли «щупальца» машины, напоминавшей гигантского осьминога, а затем подключали к электросети на несколько часов (ил. 1.12). Вынужденная обездвиженность была не просто скучной и утомительной. Видал Сассун вспоминал, что, когда он работал помощником парикмахера в годы войны, в каждой кабинке висела записка: «Мадам, во время воздушного налета вы принимаете на себя весь риск, связанный с продолжением перманентной завивки». С намотанными на электроды волосами клиентка не могла сдвинуться с места, и когда звучала воздушная тревога, ей говорили: «Простите, мадам. Я должен спуститься в бомбоубежище. Я обещаю, что вернусь к вам», – и пока весь персонал переживал налет в подвале, она оставалась в кресле, словно в западне. В обязанности Сассуна как стажера входило выключение электропитания машины для завивки. Однажды он забыл об этом, и волосы клиентки полностью сгорели, но, по крайней мере, она пережила налет¹⁰¹. Фены для сушки волос также появились в конце XIX века. Первоначально воздух нагревался газовыми горелками; затем около 1900 года для подачи горячего воздуха в конструкцию были введены электрические вентиляторы. После этого также стал применяться электрический нагревательный элемент, и со временем был разработан ручной фен.

¹⁰⁰ См., например: Balmanno Squire, Surgeon to the British Hospital for Diseases of the Skin. *Superfluous Hair and the Means of Removing It*. London: J.A. Churchill, 1893. P. 52.

¹⁰¹ Vidal. Pp. 32–33.

За исключением введения электричества, с точки зрения как целей, так и технологии ухода за волосами мы опираемся на давнюю традицию, которая во многих отношениях мало изменилась за сотни, если не тысячи лет. Однако есть одна область, в которой произошел сдвиг парадигмы, – это понимание чистоты и гигиены.

Ил. 1.12. Демонстрация аппарата для перманентной завивки на промышленной выставке, посвященной парикмахерскому мастерству. Лондон, 1928

Поддерживая чистоту

Ни домашние рецепты средств для ухода за волосами, ни первые продукты промышленного производства не имели ничего общего с препаратами, предназначенными для очищения в нашем понимании. В соответствии с представлениями того времени о гигиене всего тела, погружение в воду не могло считаться ни способом стать чистым, ни способом сохранить здоровье. Купание и колебания температуры были сопряжены с риском заболеть и предпринимались крайне редко. Джон Ивлин (1620–1706), например, отмечал в своем дневнике, что начал мыть волосы раз в год, используя теплую воду и отвар душистых трав, а затем споласкивая их холодной ключевой водой¹⁰². Французский врач Жан Льебо предостерегал: «Когда речь идет об очищении волос на голове, мытье следует применять только с величайшей осторожностью»¹⁰³. Вместо воды самым главным очищающим средством была расческа: с ее помощью можно было вычесать колтуны и грязь, а также распределить естественные жирные выделения кожи головы по всей длине волос. Как писал хирург Уильям Буллейн в своем наставлении к здоровой жизни, опубликованном в 1558 году, нечистоплотность тех, кто «редко прочесывает свои головы», проявляется в «хлопьях, гнидах, жире, перьях, соломе и подобном мусоре, который висит в их волосах»¹⁰⁴.

Как напомнил нам Уильям Буллейн, расчесывание также помогало бороться с паразитами (ил. 1.13). Уход за шерстью с целью избавиться от вшей и гнид – это практика, коренящаяся в нашем далеком эволюционном прошлом: биологическая необходимость, которую мы разделяем со всеми остальными сухопутными млекопитающими¹⁰⁵. Пусть наш биологический вид и спустился с деревьев и вышел из пещер, но наш крошечный живой груз паразитов остался при нас (рис. 1.14). Сегодня мы до сих пор используем специальные гребни в качестве инструмента для удаления гнид, а также – как и во времена Буллейна – облегчаем этот процесс при помощи различных лосьонов и мазей.

Как правило, в рецептах раннего Нового времени использовались как жирные, так и кислые вещества, например топленое свиное сало и уксус. Поскольку жир обездвиживает взрослых вшей, а кислота открепляет от волосяного стержня их яйца, вполне вероятно, что в сочетании с расчесыванием это были более или менее эффективные средства. Удаление перхоти было еще одной гигиенической и косметической проблемой, и в этом случае печатные сборники рецептов и медицинские тексты также приходили на помощь советом, рекомендуя различные мази и туалетные воды. Иногда авторы включали описания для диагностики, сравнивая перхоть с отрубями мелкого помола¹⁰⁶. Считалось, что это результат внутреннего гуморального дисбаланса – расстройства темперамента – ударившего в голову. Медицина признавала, что это состояние хоть и не опасно, но все же «вызывает некую форму уродства и много беспо-

¹⁰² The Diary of John Evelyn / Ed. E.S. de Beer. 6 vols. Oxford: Oxford University Press, 1955. Vol. III. P. 87 (13 August 1653).

¹⁰³ Liebault J. Trois Livres de l'embellissement et de l'ornement du corps humain, 1632 (1st edn, 1582). Cit. ex: Vigarello G. Concepts of Cleanliness: Changing Attitudes in France since the Middle Ages. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 83.

¹⁰⁴ Bullein W. The Government of Health (1558). Cit. ex: Smith. Clean. P. 209.

¹⁰⁵ О биологической основе личной гигиены см.: Smith. Clean. Pp. 17–24. Следует отметить, что в руководстве по уходу за детьми отмечается, что наиболее эффективным является использование щетки для домашних животных (Hale C.M., Polder J.A. ABCs of Safe and Healthy Child Care: A Handbook for Child Care Providers. US Public Health Service, 1996. P. 91).

¹⁰⁶ См., например: Sennert D. The Art of chirurgery explained in six parts. London, 1663. P. 2626; Jeamson. Artificiall embellishments. P. 123.

койства»¹⁰⁷. Как и в случае со вшами, этот недуг по-прежнему встречается повсеместно, хотя современные исследования позволили определить этиологию тяжелых форм перхоти как грибковую¹⁰⁸.

Ил. 1.13. Герард Терборх. Мать, расчесывающая ребенка (Охота на вшей). Ок. 1652–1653

¹⁰⁷ Sennert. Art of chirurgery. P. 2626.

¹⁰⁸ ЕН. Рр. 102–103.

Ил. 1.14. Мужская особь головной вши, *Pediculus humanus capitis*

Следовательно, чистота заключалась, главным образом, в удалении посторонних субстанций, таких как грязь, колтуны, перхоть и вши. Еще в 1845 году, констатируя важность «особой чистоты» волос, руководство по этикету рекомендовало добиваться ее, орудуя щеткой и расческой утром и вечером, «иначе пыль будет скапливаться на длинных волосах дам»¹⁰⁹. Чистые волосы должны были выглядеть гладкими, блестящими от естественного секрета кожи головы или благодаря дополнительным средствам. Возможно, запах они имели не такой уж неприятный – мускусный аромат.

Использование воды как повседневного средства очищения, возможно с добавлением мыла, стало набирать популярность примерно в начале XIX века¹¹⁰. Сведения о приблизительной частоте мытья волос можно почерпнуть из рекомендаций, которые предлагались в учебнике эlegantности для джентльменов 1830 года «Полное руководство к искусству одеваться» (*The Whole Art of Dress*). Книга предназначалась для амбициозных, но осторожных в финансовом отношении читателей, и давала представление о том, как хорошо одеваться и ухаживать за собой по средствам. Главными качествами волос, чье превосходное состояние могло компенсировать «невзрачную» внешность, были кудрявость, сила и блеск. Согласно рекомендациям автора, волосы следовало подстригать раз в месяц, а также мыть раз в две недели летом и раз в месяц зимой. Без сомнения, здесь прослеживается структура убеждений, отличная от той, в которой мытье считалось потенциально вредным, но в равной степени можно утверждать, что такой режим все еще значительно отличается от норм XXI века.

Слово «шампунь» появилось в XVIII веке и, как и многие другие британские культурные заимствования, происходит из Индии. Оно происходит от *champo* – слова на хинди, означающего «нажимать» или «мять», и первоначально использовалось для описания массажа тела. С середины XIX века это понятие стало отсылать к более специфическому действию – мас-

¹⁰⁹ Freeling A. (ed.) *Gracefulness: Being a Few Words Upon Form and Features*. London: Routledge, [1845]. P. 204.

¹¹⁰ Жорж Вигарелло утверждает, что во Франции отношение к мытью головы оставалось настороженным, и что основными инструментами для мытья волос оставались расческа и сухие порошки вплоть до второй половины XIX века: *Vigarelllo. Concepts of Cleanliness*. P. 174.

сажу кожи головы с моющим средством (чаще всего смесью воды с мылом), и с этого времени «шампунь» принял форму существительного, относящегося к самому составу¹¹¹. Первоначально шампуни выпускались в разных формах (ил. 1.15), наиболее распространенной из которых были жидкости, вспениваемые и смываемые с головы при помощи воды. Однако были и другие моющие растворы, которые втирались в кожу головы, а затем счищались губкой или полотенцем без участия воды. Такие средства известны под сбивающим с толку названием «сухой» шампунь. Еще одним вариантом были порошки: при добавлении воды они действовали точно так же, как и жидкие шампуни. Кроме того, были порошки для использования в сухой форме. Их распределяли по волосам, чтобы они впитали жир, а затем вычесывали – эта практика восходит к XVII веку. Наконец, были шампуни кремовой текстуры, которые к 1950-м годам стали преобладать на рынке, что мы наблюдаем и по сей день¹¹².

Ил. 1.15. Этикетки первых шампуней

¹¹¹ Stevens Cox, s.v. «shampoo».

¹¹² Pharmaceutical Formulas. Vol. 2. 11th edn. London: Chemist and Druggist, 1956. P. 804.

Жидкости, которые использовали «всухую», производились на основе таких растворяющих веществ, как бензин (ил. 1.16) или четыреххлористый углерод. Даже самого поверхностного знания основ химии достаточно, чтобы понять, что их использование сопряжено со значительным риском. Разновидность шампуня на нефтяной основе, пришедшая в Лондон из Парижа в 1890-х годах, была горючей и при определенных условиях могла воспламениться самопроизвольно. Нетрудно представить, какие кошмарные последствия для здоровья и безопасности жизни могли угрожать потребителям, когда это неустойчивое вещество оказывалось вблизи открытого огня, используемого для нагревания щипцов для завивки или ранних фенов. Хотя несчастные случаи на самом деле, по-видимому, были исключительной редкостью, в нескольких широко освещавшихся прессой инцидентах результаты такого взаимодействия были фатальными. Один подобный случай попал в новости в июле 1897 года: погибла тридцатилетняя Фанни Сэмюэльсон. Во время визита в Лондон, куда она приехала из Йоркшира, около полудня 26 июня миссис Сэмюэльсон пришла в парикмахерское заведение Emile and Co. и попросила оказать ей услугу чистки волос с помощью бензинового шампуня. Парикмахер сперва удостоверился, что все газовые горелки выключены, а затем стал наносить чистящее средство. Внезапно произошел взрыв, и его и миссис Сэмюэльсон охватили языки пламени. Пожар потушили, но Фанни успела получить такие тяжелые ожоги головы и вскоре умерла. Это происшествие, как и любая поучительная история, содержит мораль, с которой Фанни обратилась к своей подруге: «Никогда не обрабатывай свои волосы бензином». Судмедэкспертиза несчастного случая откладывалась несколько раз для поиска дополнительных экспертных показаний, и резонансное дело побудило вмешаться Совет лондонского графства, но лишь через десятилетие парламентская комиссия рекомендовала объявить использование бензина в качестве средства для очищения волос вне закона¹¹³.

¹¹³ О суде, последующих событиях и приговоре: The Times. 1897. July 22. P. 7; 1897. July 30. P. 9; 1897. August 9. P. 10; 1897. August 12. P. 10; 1897. September 16. P. 2; 1898. September 3. P. 10. О двух похожих смертельных несчастных случаях: The Times. 1909. October 22. P. 21; 1910. October 28. P. 4; 1909. November 2. P. 19; 1909. February 5. P. 10. О рекомендации полного запрета: The Times. 1910. May 31. P. 7.

**PETROLEUM
HAIR TONIC.**

A pure extract of Trinidad Petroleum, the elimination of which, from the crude Rock Oil, is claimed to be one of the greatest scientific successes of modern chemistry, in supplying at the same time an efficient Hair Dressing of the character of Brillantine, and one which has been indisputably proved to possess, in a degree almost miraculous, the power of re-animating sluggish and decaying hair glands.

The slight odour of Rock Oil evident on first using the Hair Tonic quickly passes away, leaving a pleasing and fragrant suspicion of Wild Thyme. The first effect arising from the use of the Tonic is a rapid disappearance of Scurf, and the imparting of a youthful feeling and elasticity to the Hair. A *very small* quantity of the Tonic must be used, and care taken to apply it to the *scalp*—the object to be kept in view being to have the thinnest possible film of the remedy constantly on the skin, in the same manner that on a healthy and well-furnished scalp there is always a similar covering of an oily secretion which is invariably lacking in cases of baldness. Numerous and almost incredible instances of its efficacy can be attested at the

Sole Agents in Europe for this wonderful preparation—

**HEADLAND & CO.,
BRIGHTON & HOVE.**

In Bottles only, at 2/- and 3/9 each.

TRILL & SONS, PRINTERS, DUKE STREET, BRIGHTON.

Ил. 1.16. Реклама тонизирующего лосьона для волос на основе бензина. Нач. XX века

На самом деле опасность мытья волос бензином была весьма незначительной, так как ничто не могло сравниться с риском использования бензина в лампах – практика, которая за несколько месяцев до и после гибели Фанни Сэмюэльсон вызвала тридцать шесть смертей

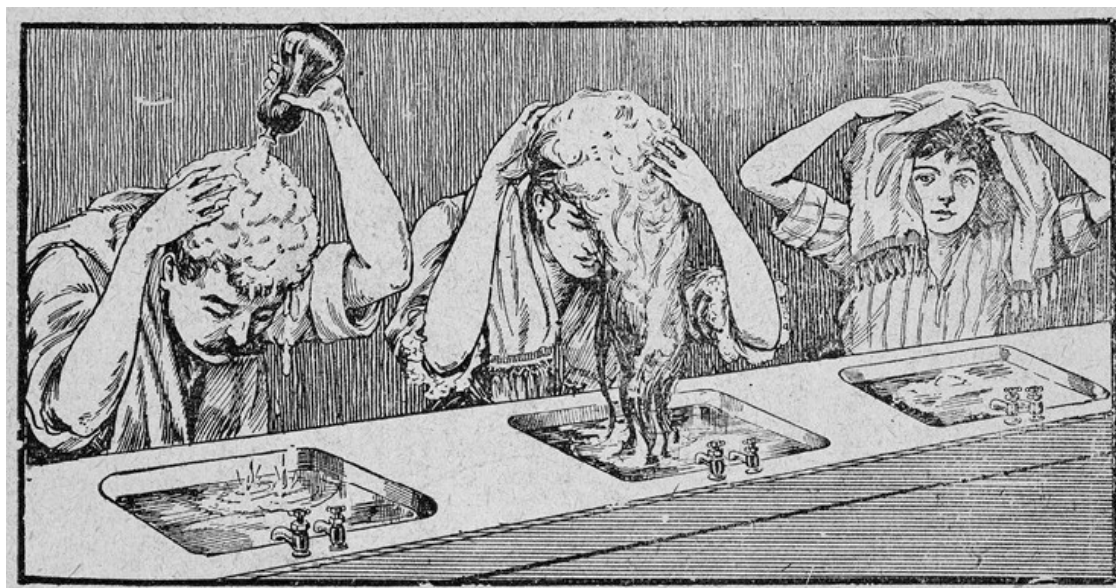
в парикмахерских салонах¹¹⁴. Но почему-то они не вызвали того же эффекта, какой возымел единственный случай «взрывного мытья волос». Одной из причин тому был социальный статус жертвы. Статус парикмахерских также имел значение: речь шла о салонах Вест-Энда с французскими парикмахерами. Мытье волос бензином обладало прелестью модной новинки: другие известные несчастные случаи произошли в Монте-Карло и Париже. Возможно, это объясняет, почему Фанни Сэмюэльсон, хотя ей и сказали, что ее волосы не нуждаются в такой процедуре, настояла на своем. Это также может служить объяснением тому, почему немногочисленные салоны, в которых по-прежнему предлагалось очищение волос бензином, отмечали значительно возросшее количество обращений за этой услугой после смерти Фанни.

Альтернативным «сухим» шампунем было высокотоксичное соединение четыреххлористого углерода. Точно так же как было известно, что бензин легко воспламеняется, существовало некоторое понимание особенностей воздействия этого вещества, и в идеале раствор применялся в хорошо проветриваемых помещениях. Тем не менее, несмотря на принятые меры предосторожности в виде открытого окна и электрического вентилятора, в июле 1909 года в парикмахерском отделе Harrod's произошел несчастный случай со смертельным исходом¹¹⁵. Во многом трагедия повторяла случай миссис Сэмюэльсон двенадцатью годами ранее: престижное заведение, жертва, занимавшая высокое социальное положение, – в данном случае это была двадцатидевятилетняя Элеонора Кэтрин Хорн-Эльфинстоун Далримпл – и широкая огласка. После того как ей объяснили суть процесса и предупредили, что пары могут вызвать у нее слабость, мисс Далримпл записалась на процедуру очищения волос сухим шампунем. Через пару минут после нанесения раствора она пожаловалась на плохое самочувствие, а затем потеряла сознание. Ее пытались привести в чувство, но смерть наступила практически мгновенно. Опять же следует подчеркнуть, что этот смертельный случай был в высшей степени необычным явлением. В ходе следствия и последующего судебного разбирательства по делу о непредумышленном убийстве, в котором обвинялись управляющий салоном и помощник парикмахера, оказывавший услугу, выяснилось, что в Harrod's четыреххлористый углерод использовали в течение шести лет, и от двадцати до тридцати тысяч клиентов благополучно пережили процедуру; лишь в паре случаев имело место легкое недомогание. По словам прокурора, Harrod's «чрезвычайно повезло» – как, впрочем, и десяткам тысяч их клиентов. Хотя и медицинские эксперты, и Гильдия парикмахеров выступали против, четыреххлористый углерод продолжал использоваться вплоть до 1930-х годов¹¹⁶.

¹¹⁴ The Times. 1898. September 3. P. 10.

¹¹⁵ О суде, последующих событиях и приговоре: The Times. 1909. July 16. P. 4; 1909. August 25. P. 2; 1909. September 25. P. 2; 1909. September 29. P. 2; 1909. October 2. P. 3; 1909. October 6. P. 14; 1910. February 5. P. 10; 1910. March 25. P. 4.

¹¹⁶ The Times. 1910. February 5. P. 10; Cox C. Good Hair Days: A History of British Hairstyling. London: Quartet Books, 1999. P. 35.

Ил. 1.17. Рекламная брошюра о порошковом шампуне Edward's Cremex Shampoo Powder. Кон. XIX века

Преимущество сухого мытья шампунем, будь то с помощью опасной жидкости или безвредного порошка, заключалось в том, что для него не требовалась вода – ценный ресурс, которым большинство британских домов не располагало в достаточном количестве (что и говорить о горячей воде) вплоть до второй половины XX века (как, впрочем, и ванными комнатами). Поэтому, пытаясь установить частоту мытья волос, важно помнить, что эта практика сильно зависела от классовой принадлежности, культурных норм и доступа к воде. Об этом наглядно свидетельствует рекламная брошюра, сопровождавшая шампунь марки Harlene's Cremex, продукт эдвардианской эпохи, продававшийся в саше, по шесть штук в упаковке за шиллинг. Вспениваемый с водой, Cremex, согласно рекламе, был разработан специально для домашнего использования. На иллюстрации изображены мужчина, женщина и подросток на разных этапах мытья шампунем, каждый склонился над раковиной с кранами горячей и холодной воды (ил. 1.17). Текст поясняет:

По-настоящему красивые волосы – это чистые волосы. А для тщательного очищения волосы следует регулярно промывать безопасным, приготовленным согласно последним научным достижениям тонирующим порошковым шампунем, который придаст волосам подобное нимбу сияние, вызывающее всеобщее восхищение¹¹⁷.

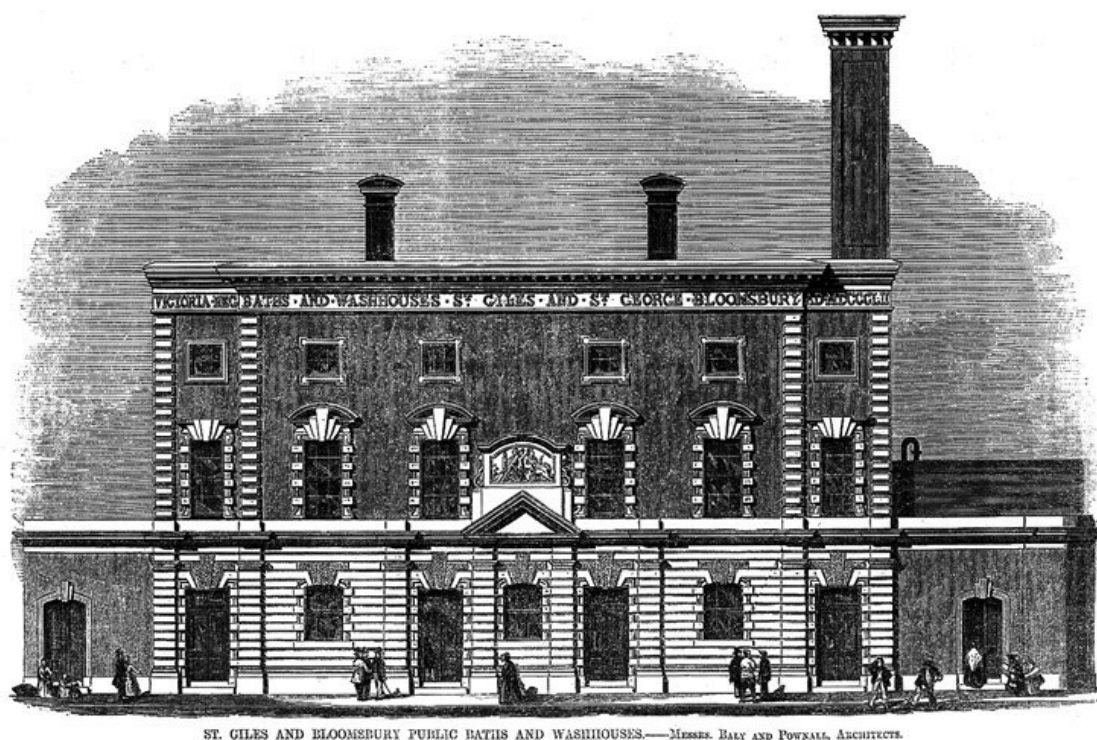
Время появления этой рекламы, в общем совпадающее с периодом широкого освещения случаев смерти, связанных с шампунем, делает акцент на безопасности и здоровье особенно актуальным. Подчеркивание легкости и блеска в качестве определяющих признаков чистых волос также свидетельствует о значительном удалении от прежних норм. Еще более показателен в отношении изменения повседневных практик предлагаемый график очищения волос с помощью Cremex: для тех, кто живет за городом, мытье с шампунем раз в неделю; для городских жителей – два раза в неделю.

Утверждениям рекламной продукции, однако, необходимо противопоставить отсутствие водопровода и канализации – условия, в которых жило, вероятно, большинство населения. В Великобритании XIX века, в период, когда возникло выражение «великий невымытый» (the

¹¹⁷ Библиотека Веллкома, Лондон. Med. Ephemera EPH154, Hair care ephemera, Box 1.

great unwashed) для обозначения народа, недостаток гигиены был настолько массовым, что для решения этой проблемы было создано движение общественных бань (ил. 1.18)¹¹⁸. Антисанитария, для борьбы с которой было разработано движение, была не призраком времен Диккенса, жившим в трущобах викторианской Британии, а бедой, преследовавшей общественное здравоохранение даже в XX веке. Видал Сассун, родившийся в 1928 году, посещал общественные бани раз в неделю. Позже он не без эмоций писал о своем детстве в Ист-Энде, где «не было ни ваннных комнат, ни туалетов в доме – только холодная вода на крошечной кухне». Лишь в конце 1940-х годов он переехал в дом с ванной и горячим водоснабжением¹¹⁹. Неудивительно, учитывая нехватку ресурсов и состояние жилья в большей части Европы сразу после войны, что, за исключением Америки, «потребления шампуня не было широко распространено»¹²⁰. В 1949 году британские женщины, как сообщалось, мыли волосы «в среднем от одного раза в неделю до одного раза в две недели»¹²¹.

На протяжении всего XX века взаимосвязи между культурными установками и материальными условиями продолжали определять различные гигиенические режимы во всем мире¹²². Однако в последние десятилетия меняющиеся стандарты чистоты и экспансия западной индустрии красоты в страны Азии и Африки означают, что проблемы будущего, вероятно, будут касаться вопросов использования ресурсов и устойчивого развития – того, откуда мы будем брать воду и энергию, – а также переработки отходов, производимых более чем семью миллиардами человек во всех частях света при мытье, кондиционировании, сушке и укладке волос.

¹¹⁸ См.: Skoski J.R. Public Baths and Washhouses in Victorian Britain, 1842–1914 (PhD thesis). Indiana University, Bloomington, 2000.

¹¹⁹ Vidal. Pp. 7, 27, 54.

¹²⁰ Jones. Globalizing Beauty. P. 138.

¹²¹ Kemsley W.F.F., Ginsberg D. Expenditure on Hairdressing, Cosmetics and Toilet Necessities. Cit. ex: Smith. Clean. P. 338.

¹²² Jones. Globalizing Beauty. P. 134 (таблица), 135.

Ил. 1.18. Публичные бани и прачечные района Сент-Джайлс и Блумсбери. В подобных зданиях представители «великого немытого» могли помыться и постирать белье. В некоторых городах Англии такие заведения функционировали вплоть до 1960-х годов и даже дольше

Мы начали эту главу с того, как Энн Фэншоу вымачивала ящериц и мух в бутылки с оливковым маслом. Хотя наш исторический экскурс местами пролегал по незнакомым территориям, где мажут голову медвежьим жиром и ядовитыми химикатами, за явным исключением представлений о чистоте, в основном ландшафт оказался удивительно знакомым. Конечно, на поверхностном уровне моды прически претерпели кардинальные изменения в течение прошедших столетий, но основные причины и способы ухода за волосами изменились очень мало. В следующей главе мы обратимся к тем людям, которые были ответственны за эту культурную область, – слугам, цирюльникам и парикмахерам прошлого – и к тесным взаимоотношениям, развитию которых благоприятствовал процесс ухода за волосами.

ГЛАВА 2

От слуги до стилиста

Люди

Если бы мы могли воочию проследить за Сэмюэлем Пипсом (1633–1703) и его женой Элизабет 5 октября 1662 года, мы бы обнаружили их в спальне. Они ссорились. Супруги наслаждались воскресной возможностью подольше поваляться в постели, но вдруг беседа коснулась Сары, их служанки. Пипс (ил. 3.4) считал, что она ничем не хуже всех прочих слуг, что у них когда-либо были, но Элизабет хотела избавиться от нее, потому что она хотела «ту, которая могла бы хорошо убрать голову»¹²³. Эта супружеская перебранка, позже вкратце изложенная Пипсом в дневнике, раскрывает простую истину о том, что исторически прически преимущественно создавались в домашних условиях. Большинство людей попросту причесывались сами или с помощью членов семьи, а те, кто стоял выше на социальной лестнице, например Сэмюэль и Элизабет Пипс, также прибегали к содействию слуг (ил. 2.1). В доме Пипса не было строгих правил насчет того, кто занимался причесыванием. Нам известно, что Элизабет с прическами помогала ее горничная, а самого Пипса причесывали и стригли то его жена, то домработницы, а также невестка Элизабет и ее брат¹²⁴. Такое непостоянство весьма характерно для ухода за волосами, поскольку он представляет собой деятельность, которая может быть наделена различными уровнями эмоциональной значимости: она может осуществляться как в рамках договорных, профессиональных отношений, так и как часть взаимодействия равных по статусу людей.

Для тех, кого причесывали слуги, было важно их умение обращаться с волосами, и в зависимости от уровня своего мастерства служанка могла сохранить или потерять рабочее место¹²⁵. Репутация служанки могла распространяться за пределами дома, где она работала. Фанни Боскауэн (1719–1805) писала своей двоюродной сестре: «Я знаю, что горничная леди Фалмут убирает волосы в совершенстве»¹²⁶. Ценилось мастерство не только горничных, но и слуг-мужчин. Согласно книге Изабеллы Битон о домоводстве (1861), парикмахерские услуги были самой важной частью обязанностей горничной, но камердинеру также следовало быть «хорошим парикмахером», способным красиво стричь и ухаживать за волосами как на голове, так и на лице¹²⁷. Мемуары Джона Макдональда (р. 1741) наделяют эту нехитрую хозяйственную рекомендацию необыкновенными подробностями. Воспоминания Макдональда, слуги XVIII века, дают редкую возможность взглянуть на работу домашней прислуги с точки зрения подчиненного, а не господина. На протяжении тридцати трех лет Макдональд сменил двадцать семь хозяев, работая в разных качествах – от конюха до камердинера, а также в раз-

¹²³ Pepys. III. P. 213. (В оригинале: «one that could dress a head well»). В переводе глагол «убрать» использован в его устаревшем значении «украсить, нарядить». В России XVIII–XIX веков «уборкой головы» называлась единая композиция из волос, украшений и аксессуаров. – *Прим. пер.*)

¹²⁴ Pepys. III. P. 213 (жену причесывает служанка); V. P. 72; VIII. P. 35 и IX. P. 424 (Сэмюэля стрижет жена); VIII. P. 280 и IX. P. 201 (Сэмюэля стрижет служанка); E.g. III. P. 96; VI. P. 21 и VIII. P. 531 (Сэмюэля причесывает служанка); IX. P. 175 (Сэмюэля стригут невестка Элизабет и ее брат).

¹²⁵ Pepys. III. P. 213; *The Letters and Journals of Lady Mary Coke* / Ed. J. A. Home. 4 vols. 1889–96. (Repr. Bath: Kingsmead Reprints, 1970.) Vol. II. P. 303.

¹²⁶ Aspinall-Oglander C. *Admiral's Widow: Being the Life and Letters of the Hon. Mrs. Edward Boscawen from 1761 to 1805*. London: Hogarth Press, 1942. P. 126. 20 December 1787.

¹²⁷ Beeton I. *The Book of Household Management*. London: S. O. Beeton, 1861; facsimile repr. Jonathan Cape, 1977. Pp. 980, 978.

ных странах, от Шотландии до Индии. Его навыки в укладке волос приходились очень кстати при поиске работы и открывали возможности как финансового, так и сексуального характера. Умением Макдональда управляться с бритвой, пудрой, помадой для волос и шпильками пользовался не только его господин и иногда госпожа, но также и члены других семей, включая детей. Кроме того, он позаботился о том, чтобы отточить эти универсально востребованные навыки, однажды на несколько месяцев поселившись в доме у парикмахера, чтобы улучшить свое мастерство¹²⁸.

Ил. 2.1. Горничная причесывает даму

¹²⁸ MacDonald J. *Memoirs of an Eighteenth-Century Footman: John MacDonald's Travels (1745–1779)* / Ed. John Beresford. London: Routledge, 1927.

Востребованность парикмахерского искусства в качестве навыка слуги можно также оценить по менее субъективным свидетельствам в виде объявлений из газет. В объявлениях о поиске работы и вакансиях умение управляться с волосами занимает видное место. Число таких объявлений резко возросло в последние десятилетия XVIII века, что может объясняться развитием газетного производства и возросшим уровнем грамотности, совпавшими с модой на более сложные фасоны причесок. Часто в них указывался навык укладывать волосы «в нынешнем вкусе», что свидетельствует о равнодушии к моде и желании быть современным. Через объявления трудоустройства искали как мужчины, так и женщины, и работодатели адресовались к работникам обоих полов. Так, например, на страницах газеты *Morning Herald* от 4 января 1781 года женщина примерно тридцати лет пишет, что «умеет убирать волосы» и ищет работу в качестве горничной для дамы, а неженатый джентльмен желает нанять слугу, от которого «требуется умение причесывать волосы и чисто брить»¹²⁹. В то время как горничные предлагали парикмахерские услуги исключительно для работодателей-женщин, мужчины-слуги, как, например, Джон Макдональд, нередко могли обслуживать как хозяина, так и хозяйку. Так и было в случае с благонадежным мужчиной около тридцати восьми лет от роду, искавшим работу, который мог «убирать волосы леди или джентльменам в нынешнем вкусе и чисто брить»¹³⁰. Навыки парикмахерского мастерства повышали шансы на трудоустройство не только для горничных и камердинеров, но и для мужчин и женщин, искавших должность или требовавшихся на удивительное разнообразие позиций: один джентльмен желал нанять опытного конюха, который не только умел бы подковывать лошадей, но и «кое-что понимал бы в прическах»; а женщина, которая хотела получить место помощника учителя в пансионе, отмечала свои навыки владения французским языком, рукоделия и умения убирать волосы¹³¹.

Для привлечения потенциальных работодателей некоторые предприимчивые люди, такие как Джон Макдональд, брали уроки у профессионалов, поскольку, хотя стрижка и уход за волосами в основном происходили на дому, существовали и независимые парикмахеры. Уже в XVI веке камеристки и горничные специализировались на стрижке, завивке, окрашивании и укладке женских волос. Например, Бланш Суонстед была камеристкой Анны Датской, жены короля Якова I. После смерти Анны в 1619 году Бланш обратилась к королю с просьбой о пенсии, заявив, что из-за прислуживания покойной королеве она потеряла своих бывших клиентов и средства к существованию¹³². Сэмюэль Пипс сообщает нам в своих дневниках, что камеристка супруги Карла II, Екатерины Браганской, была француженкой по имени г-жа Готье¹³³. В 1747 году Р. Кэмпбелл в своем описании лондонских профессий охарактеризовал горничную как «премьер-министра» женской красоты – злободневный намек на относительно недавнее создание этой политической должности. Горничная «вооружает слабый пол этим опасным оружием, красивыми кудрями и очаровательными локонами: она подстригает их волосы по моде, придавая им всевозможные формы». По словам Кэмпбелла, это ремесло было «чрезвычайно прибыльным»¹³⁴.

¹²⁹ *Morning Herald and Daily Advertiser*. 1781. January 4.

¹³⁰ *Ibid.* 1783. June 7.

¹³¹ *Ibid.* 1782. June 11; *Daily Advertiser*. 1778. June 22.

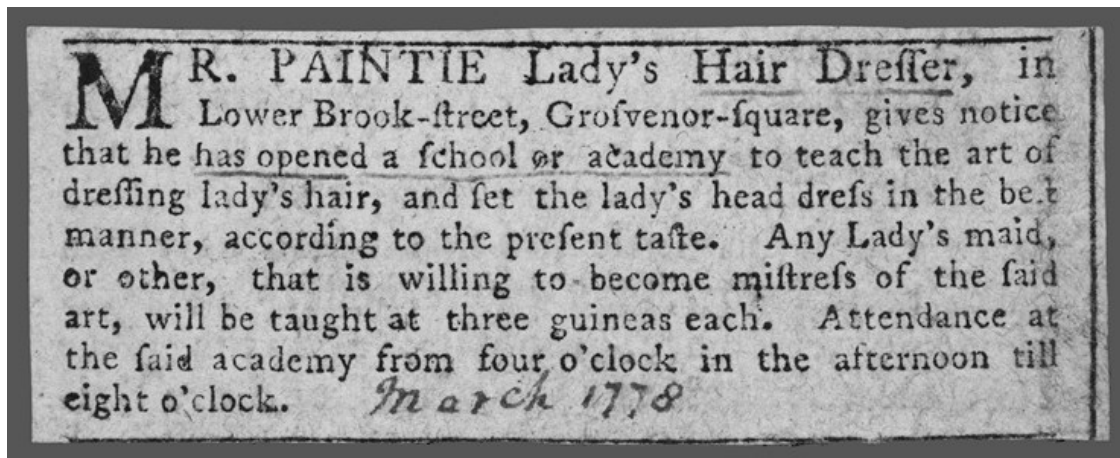
¹³² SP 14/107 fol. 121, March (?) 1619.

¹³³ Pepys. IX. P. 454.

¹³⁴ Campbell R. *The London tradesman. Being a compendious view of all the trades*. London, 1747. Pp. 209–210.

Ил. 2.2. Визитная карточка парикмахера начала XIX века. Парикмахер совершает визиты на дом, предлагая свои услуги дамам и господам, семьям и школам. На витрине справа демонстрируются товары, которые можно у него приобрести, в том числе расчески и щетки, а также такие продукты, как краска для волос, масло макассара, медвежий жир и мыло

Ил. 2.3. Рекламное объявление из газеты 1778 года от некоего мистера Пейнти, дамского парикмахера, открывшего собственную академию для обучения искусству женских причесок

Однако к тому времени, когда Кэмпбелл использовал определение «камеристка» (tire-woman), оно, вероятно, казалось все более старомодным. Развивалась новая профессия, получившая название «парикмахер», и в основном ее представляли мужчины. В течение XVIII века число этих специалистов росло в геометрической прогрессии: во время коронации Георга II в 1727 году сообщалось, что в Лондоне было всего два парикмахера; в 1795 году, по оценкам современников, общее их число в Британии составляло пятьдесят тысяч¹³⁵. Они оказывали

¹³⁵ Corson R. Fashions in Hair: The First Five Thousand Years. London: Peter Owen, 1971. P. 360; Hart J. An address to the public, on the subject of the starch and hair-powder manufactories. London, [1795]. P. 61. Указаны подсчеты Уильяма Питта. Об

услуги мужчинам и женщинам, продавали парфюмерные товары и средства по уходу за волосами (ил. 2.2), а кроме того – ведь то была эпоха париков – также завивали парики и делали прически с накладками и шиньонами. Некоторые давали уроки, другие открывали собственные академии (ил. 2.3), третьи повышали ставки и открывали для себя мир издательского дела, становясь авторами трактатов и учебников о волосах и парикмахерском мастерстве. XVIII век был золотым веком индустрии волос. Некоторые из таких парикмахеров обрели нечто наподобие звездного статуса. Если у королевы Екатерины была камеристка, то уже сто лет спустя королеве Шарлотте, супруге Георга III, прислуживал парикмахер по имени Суарди. В 1619 году Бланш Суонстед вынуждена была обратиться к королю с просьбой о небольшой пенсии, на которую она могла бы жить, но в 1788 году Суарди потребовал 200 фунтов стерлингов за услуги, оказанные Шарлотте в течение всего одного лета¹³⁶. Это была огромная сумма по любым меркам, в современном эквиваленте она составляет более 22 000 фунтов стерлингов¹³⁷. Королева, как оказалось, не готова была пойти на такие расходы, договорившись о том, чтобы нанять его, только лишь когда потребуется, на основе почасовой оплаты. Тем не менее согласилась ли она нанять Суарди на полный рабочий день или нет – в каком-то смысле не имеет значения, поскольку этот случай служит иллюстрацией необычайно быстрого становления новой профессии, профессионального «затмевания» женщин парикмахерами-мужчинами, принятия новой парадигмы, в соответствии с которой мужчины обслуживали клиенток-женщин, и формирования представления о парикмахере как о гениальном стилисте, который мог диктовать условия сильным мира сего (ил. 2.4).

этом см.: Barrell J. *The Spirit of Despotism: Invasions of Privacy in the 1790s*. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 165, n. 72.

¹³⁶ *Court and Private Life in the Time of Queen Charlotte: Being the Journals of Mrs Papendiek, Assistant Keeper of the Wardrobe and Reader to Her Majesty* / Ed. Mrs Vernon Delves Broughton. 2 vols. London: Richard Bentley and Son, 1887. Vol. II. P. 5. Ж. Б. Суарди создавал для королевы Шарлотты прически по меньшей мере с 1784 по 1809 год. По всей видимости, написание его имени представляло трудность: Пейпендик пишет его как «Сонарди»; Фанни Берни, вторая хранительница гардероба Шарлотты, пишет его как «Суорти»: *The Court Journals and Letters of Frances Burney*. Vol. 1 / Ed. Peter Sabor. Oxford: Clarendon Press, 2011. P. 25. No. 116. P. 104.

¹³⁷ Расчет проведен на основании материалов: Officer L.H., Williamson S. H. *Five Ways to Compute the Relative Value of a UK Pound Amount, 1270 to Present* // *MeasuringWorth*. 2017. www.measuringworth.com/ukcompare/ (по состоянию на 12 февраля 2017).

Ил. 2.4. Парикмахер-мужчина делает прическу женщине. Цветная гравюра начала XIX века. Гребень и ножницы, его профессиональные инструменты, находятся под рукой в кармане его фрака. Высоко поднятый воротничок его крахмаленной рубашки, печать на цепочке у пояса и облегающие панталоны, закрепленные штрипками, говорят о том, что он следует последним модным веяниям

По словам миссис Пейпендик (1765–1840), одной из фрейлин королевы Шарлотты, в то время услуги парикмахера можно было получать двумя способами. Большинство дам из высшего общества, как поясняет Пейпендик, нанимали парикмахера либо на основе ежеквартального контракта на ежедневное создание причесок – на таких условиях предлагал свои услуги королеве Суарди, либо по особым разовым случаям – как предложила ему в ответ королева¹³⁸.

¹³⁸ Journals of Mrs Papendiek. II. P. 49.

По особым случаям сама миссис Пейпендик пользовалась услугами некоего мистера Кида. Между строк ее мемуаров мы можем видеть, что, должно быть, между ними существовали близкие профессиональные отношения. Она полностью доверяет ему, называя его «кавалером дня» и полагаясь на его «неподражаемый вкус», в стремлении выглядеть наилучшим образом на концертах, на крестинах своего старшего сына и при позировании известному портретисту Иоганну Цоффани. И, как и в случае с любым проверенным временем парикмахером, миссис Пейпендик раздражало не столь искусное исполнение другого мастера, так что, когда порой ей приходилось довольствоваться услугами некоего мистера Тейлке, она считала, что «прическа была ей не к лицу», и даже жаловалась, что «дурные черты лишь усугубились»¹³⁹. Королева Шарлотта так же прогадала, сменив вымогателя Суарди на другого парикмахера, мистера Дункана. Несмотря на личные рекомендации некоторых из ее фрейлин, Дункан, по ее словам, «не имел вкуса», и ему недоставало изобретательности Суарди: «он был не способен исполнить ничего кроме обычных примеров парикмахерского искусства»¹⁴⁰.

Несмотря на то что парикмахеры имели собственные заведения или помещения для работы, они также посещали своих клиентов на дому. Для женщин благородного сословия это был наиболее привычный способ прибегнуть к услугам профессионального парикмахера. В городах такие визиты не представляли никакой сложности. Клиентов в загородных поместьях также посещали на дому, однако парикмахер мог воспользоваться случаем и обслужить сразу несколько человек за один раз. Именно так Нэнси, племянница норфолкского пастора Джеймса Вудфорда (1740–1803), проживавшая в восьми милях от города, получила приглашение в дом местного сквайра, чтобы провести там день и воспользоваться услугами «некоего Брауна, лучшего дамского парикмахера в Норидже»¹⁴¹. Писательница Фанни Берни (1752–1840) однажды отметила, что, не имея собственной горничной, выписала парикмахера из Оксфорда, города в пяти милях, на шесть часов утра следующего дня. К ее радости, парикмахер прибыл вовремя и затем в течение двух часов работал над созданием ее прически¹⁴². Некоторым парикмахерам приходилось путешествовать еще дальше. В 1780 году, когда Ричард Камберленд (1732–1811) отправился в Испанию на переговоры о торговом партнерстве с Великобританией, он взял с собой ради удобства своей жены и дочерей «лондонского парикмахера по фамилии Легг»¹⁴³.

Парикмахеры обслуживали женщин в частном домашнем пространстве вплоть до эдвардианского периода. Фотограф и дизайнер Сесил Битон (1904–1980) вспоминал, что, когда он был совсем маленьким ребенком, по особым случаям к его матери приходил человек с коричневой кожаной сумкой, и его горячие щипцы для завивки помогали создавать ее сложные прически¹⁴⁴. Однако то был последний вздох этой долгой традиции, ведь уже в первые десятилетия XX века в парикмахерском деле произошла новая революция. Все более публичная жизнь женщин, их новые короткие стрижки, а также развитие новых технологий, таких как устройства для перманентной завивки, означали, что очень быстро основным способом воспользоваться услугами профессионального парикмахера для женщин стало посещение салона. В ответ на потребительский спрос количество парикмахеров многократно увеличилось. В отличие от более ранних этапов истории профессии, на этот раз рабочая сила была почти исключительно женского пола, какой и остается на сегодняшний день. В Великобритании XXI века 88% людей, работающих в женских и мужских парикмахерских, составляют женщины, также женщинами

¹³⁹ Ibid. I. P. 173; I. P. 222; I. P. 185; I. P. 199; I. P. 173; I. P. 222; I. P. 237; I. P. 292; II. P. 171. Мистер Тейлке вполне мог быть мужем миссис Тейлке, камеристки королевы Шарлотты, о ней см.: Court Journals of Frances Burney. P. 17, n. 75.

¹⁴⁰ Journals of Mrs Papendiek. II. P. 111; II. P. 142.

¹⁴¹ Woodforde X. P. 27.

¹⁴² Court Journals of Frances Burney. Pp. 96, 104 with n. 356.

¹⁴³ The Memoirs of Richard Cumberland / Ed. Richard Dircks. 2 vols in 1. New York: AMS Press, 2002. Vol. II. P. 14.

¹⁴⁴ Beaton C. The Glass of Fashion. London: Weidenfeld and Nicolson, 1954. Pp. 13–14.

являются 79% владельцев салонов¹⁴⁵. Однако преимущественно женский состав отрасли скрывает за собой глубокое неравенство: почти каждый из известных стилистов, под чьим именем продаются линии продукции для волос и чье влияние формирует эстетику, – мужчина¹⁴⁶.

Цирюльники

В уход за волосами были вовлечены не только слуги и профессиональные парикмахеры. Как отмечал в своем дневнике Сэмюэль Пипс, при том что его стригли и причесывали члены семьи и прислуга, брился он самостоятельно, а также обращался к цирюльнику. Исторически представители этой профессии принадлежали к гильдии брадобреев-хирургов и, помимо бритья и стрижки волос, имели право проводить небольшие хирургические вмешательства. На практике, однако, люди, вероятно, специализировались в одной из этих двух областей задолго до официального распада объединенной гильдии в 1745 году¹⁴⁷. Ко времени Пипса цирюльники приспособились к новым тенденциям в моде и стали торговать париками: таким образом, Пипс посещал цирюльника ради бритья и стрижки, а также покупал парики у него и у мастеров, специализировавшихся на их изготовлении. Приобретенные им парики чистил и ремонтировал тоже цирюльник (ил. 2.5).

Ил. 2.5. Цирюльня, где изготавливают парики. 1762. Один клиент сидит в центре комнаты, его бреют (обратите внимание, как он держит чашу), а другой стоит у окна с зеркалом в руках, вытирая оставшуюся на лице пену. Другие лица в комнате занимаются изготовлением и декорированием париков. Среди них две женщины. Готовые изделия висят на стене

¹⁴⁵ Сведения на 2016 год: Hair and Beauty Industry Statistics // National Hairdressers' Federation. www.nhf.info/about-the-nhf/hair-and-beauty-industry-statistics/ (по состоянию на 18 декабря 2016).

¹⁴⁶ How Many Famous Female Hairdressers Can you Name? // BBC News. bbc.co.uk/news/business-38267758 (по состоянию на 11 декабря 2016).

¹⁴⁷ Pelling M. The Common Lot: Sickness, Medical Occupations and the Urban Poor in Early Modern England. London: Longman, 1998. P. 208; Evenden D. Gender Difference in the Licensing and Practice of Female and Male Surgeons in Early Modern England // Medical History. 1998. No. 42. Pp. 194–216.

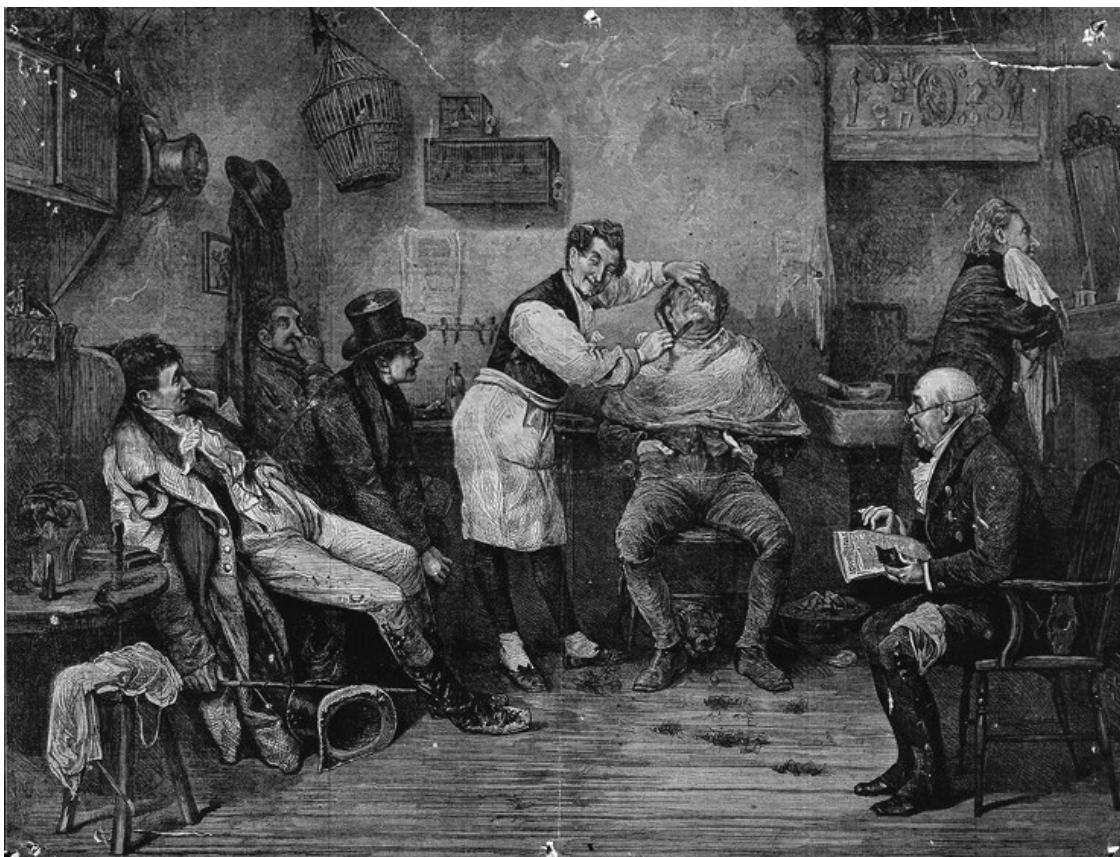
Цирюльники, обслуживавшие наиболее состоятельных клиентов, вели дело на широкую ногу. Суммы, выплачиваемые королевским брадобрям для компенсации расходов на полотенца и простыни и такие расходные материалы, как бритвы, расчески и мыло, позволяют оценить роскошь обслуживания. В 1636–1637 годах Томасу Дэвису, цирюльнику Карла I, выплатили 91 фунт стерлингов на белье для бритья за год и 60 фунтов стерлингов на расходные материалы за шесть месяцев, что на сегодняшний день составляет более 21 000 фунтов стерлингов¹⁴⁸. В нижней части ценового диапазона все было совершенно иначе: пособие на цирюльника, выплачивавшееся морякам во флоте Карла I, составляло всего 2 пенса в месяц¹⁴⁹.

Цирюльники занимались своим ремеслом в различных условиях. Самые бедные, странствующие брадобрее обслуживали сельское население, для которого ближайшая цирюльня была слишком далеко или не по средствам. Цирюльники нередко работали в трактирах, возможно, потому, что там было удобно собирать местных клиентов, а также можно было обслуживать путешественников, остановившихся, чтобы передохнуть или сменить лошадей. Пипс сообщает, что его «подкоротили» (то есть побрили) в трактире «Старый лебедь», где он также назначал встречу своему цирюльнику, чтобы примерить заказанный парик. В Хантингдоне его брили в «Короне», а в Бристоле «очень симпатичный парень» брил его в «Подкове» на Уайн-стрит. Кроме того, Пипс упоминает ряд различных цирюлен в Лондоне, а также то, что однажды его брили «на улице»¹⁵⁰. Сто лет спустя норфолкский пастор Джеймс Вудфорд в своих дневниках описывал сходные реалии. Вудфорд брился самостоятельно и посещал цирюльника, у которого он также покупал и завивал свои парики. Он посещал цирюльников и в своем приходе, и в близлежащем Норидже, и во время периодических поездок в Оксфорд, Бат и Лондон. В таких случаях он иногда заходил в цирюльню или брился в трактире, где остановился. За эпизодические парикмахерские услуги Вудфорд расплачивался сразу, в иных случаях, как правило, по истечении квартала или полугодия, согласно обычаю того времени.

¹⁴⁸ Расчет проведен на основании материалов: Officer L.H., Williamson S. H. Five Ways to Compute the Relative Value of a UK Pound Amount, 1270 to Present // *MeasuringWorth*. 2017. www.measuringworth.com/ukcompare/ (по состоянию на 13 февраля 2017).

¹⁴⁹ Stuart Royal Proclamations. Vol. II. Royal Proclamations of King Charles I 1625–1646 / Ed. James Larkin. Oxford: Clarendon Press, 1983. P. 88.

¹⁵⁰ Pepys. VII. P. 278 (брился в «Лебеде»); VIII. P. 133 (встречается с цирюльником в «Лебеде»); IV. P. 312 («Корона» в Хантингдоне); VIII. P. 234 («Подкова» в Бристоле); I. P. 200 (брился на улице).

Ил. 2.6. Веселая и непринужденная атмосфера цирюльни XIX века. Ожидающие своей очереди посетители и цирюльник беседуют с интересом и удовольствием, даже клиент, которого бреют, слушает разговор со вниманием. Один из посетителей читает копию консервативной и чрезвычайно популярной воскресной газеты *John Bull*, которую начали выпускать в 1820 году

Как и парикмахеры, цирюльники посещали своих клиентов на дому. Пипса часто брили дома утром, ночью или днем – у него, кажется, не было предпочтений в этом отношении – и очень часто по воскресеньям. Однажды брадобрей так задержался у него, что оказался заперт в доме на ночь, и Сэмюэлю пришлось вызывать слугу, чтобы тот выпустил цирюльника¹⁵¹. Из этих свидетельств мы можем составить представление о том, что цирюльники всегда были готовы прибыть по первому зову. От них ожидалось, что они поедут к важным или прибыльным клиентам практически в любое время суток, подобно Эноху Эллору, брадобрее из Манчестера, которого в 1664 году вызвали между полуночью и часом ночи в дом Джона Лидса, чтобы побрить там гостя¹⁵². Часы работы, очевидно, долгое время оставались источником напряженности: профессиональные гильдии, местные власти и правительство страны неоднократно пытались положить конец воскресному бритью и обязать цирюльни закрываться по воскресеньям¹⁵³. Даже закон о шестидневной рабочей неделе парикмахерских (*Sunday Closing Act*) 1930 года, призванный окончательно пресечь эту порочную практику, делал исключение для клиентов, которых цирюльник посещал на дому или обслуживал в отеле¹⁵⁴.

¹⁵¹ Pepys. I. P. 298.

¹⁵² SP 29/101 fol. 16.

¹⁵³ Подробнее о бритье по воскресеньям см. главу 3. Также см.: Proctor R. W. *The Barber's Shop*. Manchester; London, 1883. Pp. 135–6; Theologos. *Shaving: A Breach of the Sabbath*. London, 1860; Andrews W. *At the Sign of the Barber's Pole: Studies in Hirsute History*. 1904; repr. [n.p.]: Dodo Press, [n.d.]. Pp. 15–17.

¹⁵⁴ Foan. P. 507.

Одной из причин, по которой оказалось так сложно регулировать сферу парикмахерских услуг, была популярность цирюлен в качестве места проведения досуга (ил. 2.6). Согласно мемуарам Ричарда Райта Проктора (1816–1881), цирюльника из Солфорда, поступившего в подмастерья в 1826 году в возрасте девяти лет, для обычного работника парикмахерская в воскресенье представляла собой «долгожданное убежище» от остальных шести дней тяжелого труда. На какое-то время «они забывали свои личные заботы» во «всепоглощающей» беседе и обмене новостями.

Многие из этих любителей новостей жили на расстоянии пары миль от заведения, но они редко изменяли привычке появляться на пороге цирюльни с наступлением воскресного утра. Порой летом они так рано начинали болтать под нашей дверью, что Дэвид [наставник Проктора], убедившись в бессмысленности попыток поспать, часто проводил время между закрытием и открытием цирюльни за правкой бритв, курением трубки и внимательным изучением газет¹⁵⁵.

Цирюльня не только дарила радости ухода за собой, но также являлась оживленным местом встреч, полным сплетен, новостей и развлечений. Посетители могли беседовать, читать, курить или слушать музыку – последнее занятие будет еще долго ассоциироваться с мужской парикмахерской¹⁵⁶. Благодаря дневникам Пипса мы можем наблюдать, как эти обобщенные наблюдения воплощались в конкретных чертах личного опыта: он то пил с цирюльником эль, то пролистывал книгу стихов, принадлежавшую другому посетителю, то стригся, слушая, как подмастерье играет на скрипке¹⁵⁷. Мы также можем получить представление о том, какого рода разговоры могли сопровождать процесс бритья или стрижки: сплетни о характере и семейном положении популярных актеров того времени или слухи о таинственной болезни, из-за которой сошли с ума или умерли некоторые местные лавочники¹⁵⁸.

¹⁵⁵ Proctor. *The Barber's Shop*. Pp. 56–57.

¹⁵⁶ После 1600 года многие цирюльники продавали табак: Pelling M. *Appearance and Reality: Barber-surgeons, the Body and Disease* // A. L. Beier, R. Finlay (eds). *London 1500–1700: The Making of a Metropolis*. London: Longman, 1986. P. 94. О музыке и цирюльниках см.: Maguire L. *Petrucchio and the Barber's Shop* // *Studies in Bibliography*. 1998. Vol. 51. Pp. 118–19; Pelling. *The Common Lot*. Pp. 222–3; Cox S.s.v. «barber music».

¹⁵⁷ Pepys. I. P. 90; V. P. 352; IV. P. 237.

¹⁵⁸ Pepys. III. P. 233; III. P. 201.

Ил. 2.7. Бернارد, цирюльник. Вывеска. Оксфорд

Традиционно цирюльня считалась исключительно мужским пространством. Этот образ поддерживается в парикмахерских учреждениях и по сей день и проявляется практически во всем: от вывески над входом до груды мужских и автомобильных журналов на столике в фойе (ил. 2.7). Хотя теперь такую откровенную маскулинизацию никто не ставит под вопрос, существуют свидетельства того, что прежде она была не столь абсолютной, как принято считать. В 1786 году Джеймс Вудфорд посетил Лондон со своей племянницей Нэнси (1757–1830). Вместе они зашли «к некоему Смитсу на Суррей-стрит, близ Стрэнда, цирюльнику». Нэнси «сделали вечернюю прическу», а Вудфорда «побрили и причесали парик». За бритье и прически он заплатил парикмахеру 1 шиллинг и 6 пенсов¹⁵⁹. Немыслимо, чтобы Вудфорд, уважаемый сельский пастор, привел Нэнси куда-нибудь, где бы ее положение или репутация могли оказаться под угрозой, или сам таким образом нарушил нормы своего социального положения. Визит Нэнси представлен в наглядной, хоть и карикатурной, форме на эстампе, опубликованном всего восемью годами ранее (ил. 2.8). На картинке сельский цирюльник, основную клиентуру которого составляют мужчины (на стене развешаны мужские парики), пытается причесать грузную женщину. Пока он булавками закрепляет чрезмерно объемные накладные пряди, его помощница, еще одна женщина, держит зеркало, чтобы клиентка могла себя видеть.

Пусть историки упустили из виду женщин в роли посетительниц цирюлен, однако третья фигура на эстампе указывает на еще один пробел, а именно на женщин в роли цирюльников. В XVII веке таких специалистов было небольшое, но стабильное количество: девушки и женщины поступали в ученичество к цирюльникам, а некоторые вдовы продолжали дело мужа после его смерти (ил. 2.9)¹⁶⁰. Так, Мария Коэн, дочь купца, стала ученицей цирюльника в 1702 году, и ее случай, а также многие другие говорят о том, что в течение XVIII века цирюльничество становилось все более приличной для женщин профессией (ил. 2.5 и 2.10)¹⁶¹.

¹⁵⁹ Woodforde. XI. P. 145.

¹⁶⁰ Evenden. Gender Difference in the Licensing and Practice of Female and Male Surgeons. Pp. 196–197, 201. Также см.: Willen D. Guildswomen in the City of York, 1560–1700 // The Historian. 1984. Vol. 43. P. 217.

¹⁶¹ Murray I. The London Barbers // Ian Burn (ed.). The Company of Barbers and Surgeons. London: Ferrand Press, 2000. P. 77.

Мы располагаем описанием от первого лица того, как художник и антиквар Джон Томас Смит (1766–1833) в 1815 году вознамерился опробовать услуги женщины-цирюльника. Он записал, что пока она его брила, ее муж, крепкий гвардеец, сидел и курил трубку: подразумевалось, что в этой семье зарабатывают оба супруга, и жена по праву занимается своим собственным ремеслом¹⁶². Тон Смита, любопытствующий, но в целом лояльный, также говорит о том, что, хотя женщины-цирюльницы были редкостью, это было приемлемым явлением – другими словами, необычным, но не исключительным. Это подтверждается более поздними свидетельствами. Миссис Кроуфорд была женщиной-цирюльником в Нортумберленде на протяжении шестидесяти лет. Она начала работать еще девочкой, около 1876 года, и в 1936 году все еще брила клиентов. Примерно с 1901 года некая миссис Хоу помогала своему мужу брить заключенных в работном доме города Борн в Линкольншире; супруги работали вместе не менее десяти лет. Норты в графстве Дарем были еще одной семьей, в которой цирюльничество составляло основной источник дохода: прадед, дед и отец, Джим Норт – все стали парикмахерами. Каждый из четверых сыновей и четырех дочерей Джима учился у своего отца, и все в конечном итоге начали самостоятельную практику. Младшая, Сисси, закрыла свою цирюльню в 1951 году¹⁶³.

¹⁶² Smith J. T. *Ancient Topography of London*. London: John Thomas Smith, 1815. P. 38.

¹⁶³ DM. 1936. October 7. P. 16; 1911. September 22. P. 11; 1951. July 2. P. 3.

Ил. 2.8. Сельский цирюльник. 1778. Цирюльник в парике гротескных размеров и фасона делает прическу женщине, закрепляя на ее голове непомерно большой валик, на который он укладывает волосы, как ее собственные, так и накладные пряди, которые она держит в руках. Помощница стоит с зеркалом и может подать цирюльнику шпильки для волос со стола и валики, по форме напоминающие колбаски, для формирования прически. На стене висят мужские парики

Все это дополнительно подчеркивает гибкий и адаптивный характер парикмахерской практики. Это была не столько конкретная специальность или род занятий, сколько набор навыков, объединявший слуг, горничных, парикмахеров, цирюльников и, в определенной степени, изготовителей париков. Границы между этими профессиями также были проницаемыми: слуги обучались у парикмахеров, а парикмахеры, как и цирюльники, ухаживали за волосами своих клиентов, изготавливали и обслуживали парики и накладки, продавали парфюмерию и различные средства для волос. География оказания парикмахерских услуг тоже была подвижной, охватывая лавки и салоны, передвижные и придорожные палатки, трактиры и комнаты в частном доме. Однажды Пипс записал, что его брили на кухне¹⁶⁴. Взаимосвязь пола и ухода за волосами была столь же изменчивой. Некоторые слуги мужского пола обслуживали женщин на дому, а парикмахеры-мужчины обслуживали клиентов как мужского, так и женского пола. Иногда цирюльники могли причесывать женщин, а иногда женщины орудовали бритвой, чтобы побрить мужчин. Но всех их объединял процесс ухода за волосами – занятие, которое подразумевало плотный, физический, глубоко личный контакт. Как мы увидим, эта близость имела далеко идущие последствия.

¹⁶⁴ Pepys. I. P. 219.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.